

Борис Сафин

РЯЗАНСКИЙ СКАЗ

от Мурома до Рязани

Борис Глимханович Сафин

Рязанский сказ.

От Мурома до Рязани

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711689

ISBN 9785449302694

Аннотация

Кто бы мог знать, что обгоревшая, потрепанная тетрадь, случайно выкопанная на огороде, положит начало увлекательному путешествию по Мещерскому краю, по уникальным местам Рязанской области. Кто бы мог предположить, что из глубины столетий проявится история предков – нелегкая жизнь семьи купцов Мусатовых. От Мурома до Рязани – переплетение легенд, переплетение судеб.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
Мещера	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	112
Сказ о Муроме	112
Конец ознакомительного фрагмента.	121

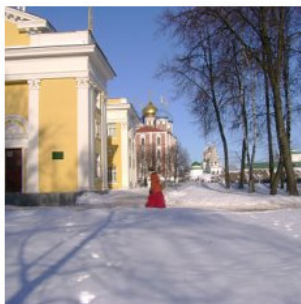
Рязанский сказ От Мурома до Рязани

Борис Глимханович Сафин

© Борис Глимханович Сафин, 2018

ISBN 978-5-4493-0269-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Жил-был дед Борис с бабушкой Катериной. И было у них две дочери, Ольга и Наталья. И внучки, Настенька и Яночка. Да внучок Егорка. Да зятек Вячеслав. Жили, не тужили – добро потихоньку проедали. Домик у стариков небольшой, на две палаты, но уютный. С садиком небольшим и огородиком косым. А домик тот в поселочке Борки, что под знатным городом Рязанью. Совсем рядышком. Возле шпалозаводика. Утром глянешь в окошко – купола Рязанского кремля выглядывают из белого тумана. Вечером посмотришь – золотом сверкают в лучах уходящего солнышка. В поздних сумерках, как засверкают подсветными огнями разноцветными – глаз не отведёшь! Нравится деду Борису это место. Слева река Ока подпирает своим затоном, да иногда балует большой водой. Справа озеро с прозрачной водой, что приделось камышом, да ивами плаксивыми. Когда – то здесь был песчаный карьер – да кто помнит? Затон и озеро наперегонки балуют стариков рыбкой. Захотелось густеры насушить, или чехонькой побаловаться – беги на Оку! А ежели невтерпёж захотелось карасей со сметанкой, или линьком сковородку порадовать – дорога тебе на озеро – знай только место и время! С другого берега затона раскинулся Луховской лес, богатый ежевикой, да грибами опятами. Так и жили старики: в мире и согласии. Бывало, Катерина обнаружит,

какой непорядок, зашумит: «И когда ты дед научишься вещи на место класть, иль тебе узелки навязать?». Дед подойдет, обнимет: «Виноват, Катюша, обещаю исправиться». Катерина, как услышит ласковое «Катюша», враз добреет – жди блинов, или пышек к чаю! Так и жили в делах, да усердии. Какие у стариков дела? Ну, за садом присмотреть. Огородик тяпкой пощекотать, да тепличку проветрить. Курочек накормить, да с перепелками побеседовать. Когда на тех диванах штаны отсиживать? Вот и тогда, только день начался, Катюша опять пристала к деду своими идеями: «А давай гостевой домик соорудим? Мааленький! А давай прудик в саду выкопаем? Маахонький!». Место, где решили копать прудик, обжитое. Когда—то здесь прятались от татар горожане древнего Переславля, строили землянки, да шалаши. Когда вода Оки ушла с этих мест, появились купеческие домишки, с касимовскими наличниками на окнах. А до революции здесь обосновался помещик из бывших военных, что французов били. Да, по чьей – то злой воле, сгорел этот дом, со всеми постройками. В начале прошлого века власти построили добротный деревянный барак на пять хозяев, и заселили чиновным людом среднего класса. На краю построили сараяшки для всякой мелочи. Уже в советское время, те сараяшки тоже сгорели. Место стало мусорным полигоном для жителей соседних домов. Когда Борис с Катериной переехали в Рязань, и купили эту квартирку в Борках, свалка ещё сверкала бутылками, да банками. Мусор убрали, землю за-

везли – вот и появился этот косо́й огоро́дик на радость деду́ Борису. На этом «Обжи́том месте» и реши́ли сооруди́ть прудик. Когда́ глубли́на ямы́ дости́гла метра́ полтора, из красной́ трухи́ ковырну́лся горшо́к глиня́ный. «Клад!» – у де́да ёкну́ло в груди́.

Дрожа́щей руко́й, о́гляды́ваясь по сторо́нам, тащи́л де́д из горшо́ка туго́ сверну́тый, прома́сленный, кожа́ный сверто́к. Разверну́в сверто́к, де́д не обнару́жил: ни сверка́ющих ни́тей с же́мчугами, ни блеска́ старинны́х моне́т, ни пыла́ющего на солн́це зо́лота. А выпала́ из сверто́ка тетра́дь с рва́ными угла́ми, уно́ся с собо́й вспыхну́вшую, на ми́г, мечту́!

Мечте́ то ко́нец, да э́той исто́рии то́лько нача́ло...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мещера

∞...На семейный совет в Борках собрались все. По правую сторону Ольга с Настей. По левую сторону Славик с Натальей. В углу дивана, со смартфоном в руках, затаилась Яночка. Сидели тихо, с любопытством поглядывая на темный сверток, сиротливо лежащий посреди стола. «Унтами пахнет. Небось, папка с леса что-то притащил» – подумала Ольга, опасливо отодвигаясь к краю стола. «Да нет, наверное, отец древнюю иконку нашел, сейчас будет хвалиться» – додумала Наташа. «Наган времен гражданской войны!» – Славик не сомневался в своей догадке. «Фу, какая гадость! Где это дед откопал?» – Настя отодвинулась от стола.

– Вот, дети мои, – дед Борис с торжественным видом, а скорее с растерянным выражением лица, осмотрел членов «семейного совета», – Вчера на огороде выкопал. Будем вместе решать, что с этим делать.

– Не морочь детям головы! – выглянула из кухни баба Катя, – Из всякой чепухи тайну делаешь. Тетрадка там гнилая! Выбрось на помойку, всякую гадость в дом тащишь. Давайте уже чай пить. Стынет!

– Вот умеете вы, бабы, секреты наперед выдавать! Я же

просил? – дед укоризненно посмотрел на Катерину, – Я же просил из кухни нос не высовывать, пока не позову.

Дети придвинулись ближе к свертку. Даже Яночка оторвалась от своего смартфона и с любопытством, посмотрела на сверток.

– Дед! А может там деньги, или монеты старинные, между листками спрятаны? – Яна совсем потеряла интерес к своему телефону и протянула руку к свертку, – Давайте клад сдадим и купим новую машину.

– Чего это тебе наша старая «шестерка» не нравится? – Славику, наконец, предоставилась возможность вступить в разговор, – У нас машина зверь! Покатаемся еще.

– Если это школьная тетрадка, то ничего интересного там не может быть, – Настя всегда удивляла своей логикой и убежденностью, – Если это дневник, то есть вероятность, что будет намек на клад. Ну, а если это амбарная книга, то пора пить чай.

– Дед! Давай открывай уже, – Яна умоляюще посмотрела на мать и тетю Олю, – Ну скажите ему! Баб! Скажи деду.

– Ладно, ваша взяла, – дед осторожно развернул тряпку и сдвинул на стол толстую тетрадь с пожелтевшими от влаги, склеенными от времени и обугленными от пламени листами, – Я не знаю, что с этим делать. Если тронуть листы, то они осыпятся, как осенний листопад. И мы ничего не сможем прочитать.

– А ничего трогать и не нужно – Ольга оживилась – У меня есть знакомая в лаборатории, которая занимается реставрацией и восстановлением старых документов. Я Вере Сергеевне покажу эту тетрадь, и она скажет как специалист, что с этим можно сделать.

На этом и решили. Попили чайку с плюшками, которые привезла Наташа (зря, что ли кулинар) и разъехались по домам...

...Вера Сергеевна развернув сверток, принесенный Ольгой, взмахнула руками.

– Кто же так хранит документы? Руки бы оторвала этому извергу! Это же надо так издеваться над документами! – Вера Сергеевна еще долго ходила вокруг тетради, грозя кому-то в окно.

– Вы меня не поняли, Вера Сергеевна, – Ольга пыталась успокоить сотрудницу, – Эту тетрадь дед выкопал на огороде. На месте, где когда-то был пожар, а потом наводнение. Я тоже удивляюсь: «Как это еще совсем не сгнили и не распались листы». Я хотела бы попросить Вас извлечь хоть какую – то информацию. Может это будет полезно и нашему архиву.

– Олечка! Ты же знаешь, какая нагрузка на наш отдел? Мы часть документов даже в Москву отправляем. И реагенты, без регистрации документов, я не имею права расходовать. Судя по состоянию тетради, придется, ещё как повозиться.

Ладно. Я попробую. Только это может занять много времени. Может быть год. А может и два.

– Хоть три, если надо. Я на семейном совете пообещала, что постараюсь сделать все возможное. Вера Сергеевна, не беспокойтесь, все расходы я беру на себя. Вы только скажите, что надо.

– Давай так, Олечка, договоримся. Я попробую восстановить первые два – три листа, чтобы определить ценность документа и возможность дальнейших действий, а вы сами потом решите; продолжать расшифровку или отправить тетрадь на помойку. Такое тоже, к сожалению, бывает в нашей практике.

Когда Ольга ушла, Вера Сергеевна поместила тетрадь в аппарат и включила подсветку. Сквозь желтые пятна проступили еле – еле заметные буквы и цифры: «*Муромь, лета 1875*». «Достаточно старинная» – стараясь подавить, вдруг возникшее волнение, Вера Сергеевна, медленно водила лучом по обложке. «А это что?» – На экране, склоненной вправо вязью, темнело: «*Георгий МусатовЪ*». «Где – то я уже встречала эту фамилию? Совсем недавно. Так, в мае мы восстанавливали записку купца Зворыкина из Мурома. Точно! Там было упоминание о купце Мусатове, что-то насчет дома. Это уже интересно».

Вера Сергеевна любила смотреть на старинные документы. Воображение, среди скупых строк, рисовало перед ней образы давно ушедших судеб. Они оживали, начинали жить

своей неведомой жизнью. Радовались, огорчались, делили между собой имущество, любили, воевали. Иногда, она даже одергивала себя, чувствуя, что начинает разговаривать с этими людьми, выплывающими из задворок ушедших лет...

...Дед Борис, уже лет пять, как на пенсии, но привыкнуть не смог. «Ну, какой из меня дед? На мне еще воду можно возить – не перевозить!» И, когда позвонил Виталий Алексеевич Будкин, директор проектного института с последней работы, и предложил выйти на прежнюю работу, то Борис с радостью согласился: «Лишняя копейка не помешает! Раз в неделю побегать, косточкам не помеха. Да и хозяйству не повредит». А хозяйство у деда богатое! Два десятка курочек, да десяток перепёлочек. Так бы и сидел возле них, любовался. Для села оно, конечно маловато, а для города самый раз. Особенно перепела! Зайдешь в птичник, а они повыскакивают со своих углов, и давай носится по клетке. Верещат, радуются! На руки, на плечи запрыгивают, в глаза заглядывают: «А что там дед принес, чем будет угощать?».

– Ишь, запели сорванцы! Ну-ка успокоились, проказники! – дед подлил водички и подсыпал корму.

– Борис! Ольга пришла, новость принесла, – Катерина вышла на веранду и высматривала деда, – Где ты там застрял? Оставь птичек в покое.

– Иду! – Борис подсыпал курочкам зерна и попрощался с петухом, – Смотри у меня, не проказничай! Вечером приду, поругаю.

Ольга сидела с загадочным видом и пила с матерью чай.

– Здравствуй дочь. Никак новости есть? Давай выкладывай. Нашли деньги между страниц? Али монетку каку?

– Выкладывать еще рано, но кое-что есть. Докладываю. Тетрадь отдала на реставрацию. Вера Сергеевна, сначала не хотела брать, но потом взяла. Говорит: документ в очень плохом состоянии и нужно много времени на обработку. Может даже больше года. Тетрадку в какой-то раствор опустила, говорит: пусть пару месяцев полежит. Говорит, что это дневник, или амбарная книга учета. А вот надпись на обложке прочитала. Только не упадите со стула, – Ольга достала листочек, – Я вот записала. На обложке написано: «Муромь, лета 1875». А также: «Георгий Мусатовъ». Это о чем – то говорит?

Дед поперхнулся чаем и удивленно посмотрел на Катерину.

– Как говоришь, фамилия? Мусатов? Ты ничего не перепутала, дочь? – У деда на лысине две единственные волосинки поднялись к потолку, – Такое только в сказках бывает!

Дед внимательно разглядывал Катерину, будто ища в её глазах ответ.

– Ты у нас кто? Мусатова! А отчество, у тебя какое? Георгиевна! Ну-ка колись, что ты от нас скрываешь?

– Дурачок! Мало ли на свете Мусатовых? В нашей семье я никогда про Рязань и не слышала. Папка мой из Астрахани, я точно знаю, мне мать рассказывала. Да и родился он в 18-

м году. И был он Георгий Иванович. Скорее всего, это однофамилец. Я, когда в детстве озорничала, то тетки мои меня ругали: «Вот, порода татарская, поперечная!».

– Ты еще и хулиганка была? Крымские татары набеги на соседей совершали, девок воровали для обновления крови. А ты, куда набеги совершала? Небось, на соседские огороды за морковкой? Или курт (соленые сушеные лепешки из творога – каз) с крыш воровала?

– Как ты догадался? Точно! Мы с Бауржаном курт у его бабушки воровали. Это мой «первый поклонник». Сначала он камни в меня бросал, но, когда подрос, носил мой портфель из школы. И защищал меня от мальчишек!

– Откуда в Шубар – Кудуке много мальчишек? Аул на три двора.

– Ну не скажи! В сороковых Шубар – Кудук был ссыльным местом. И, не аул, а нефтяной промысел. Чехи, молдаване, поляки, немцы, чеченцы. Слышал про «Дело врачей»? В нашей больнице много врачей было из Ленинграда. Репрессированные, поселенцы, эвакуированные. Кого только не было! Я тебе, как-то рассказывала. В школе у нас была такая семья – Качковские. Михаил Павлович и Ираида Александровна. Правда, у неё была фамилия – Лифарь, но это одна семья. Михаил Павлович преподавал историю и математику, а Ираида Александровна русский язык и литературу. До эвакуации они оба преподавали в университетах, в Ленинграде. Михаил Павлович, по разговорам, был даже про-

фессором. А ты говоришь аул! Вот мне и повезло дружить с мальчишками и девчонками всех национальностей. У нас в классе учились: Витя Мунтян, Шура Энно, Слава Муцак, Ира Дворецкая. За мной бегали Лечи Гучигов и Алик Гайсумов. Утром встану, а на крыльце цветы полевые лежат. Я уже знаю, что это Алик Гайсумов подложил. Меня за это мамка сильно ругала: «Увижу, возле чеченцев будешь крутиться, отлуплю. С немцами не надо, с чехами не надо, с казаками не надо, с чеченцами не надо. С русскими можно. С татарами, на крайний случай, можно. А с чеченцами нельзя. Увижу, отлуплю».

– Так ты за меня, татарина, вышла замуж на крайний случай? Ладно, беру свои слова назад. Как-нибудь расскажешь про Шубар. Подробнее. Ты лучше скажи: как Мусатовы в Шубар попали?

– Я думаю, что «мои» Мусатовы в Астрахань из Крыма попали. Родственники в Оренбурге живут и тоже никогда ни о Муроме, ни о Рязани не говорили. Правда, считай лет тридцать пять, у меня нет с ними связи. И они не знают, где мы сейчас.

– Может от отца какие-нибудь книжки остались, или фотографии с подписью?

– Отца убили и под поезд бросили, когда мне три годика только исполнилось. Мы тогда в Баку жили. Картежник он был, как я из рассказов матери слышала. Пустое все это. Не морочьте мне голову своими сказками.

– Ладно. Будем ждать, когда новая информация появится. Вот умеешь ты, Катя, мечту загубить. Представляешь, если бы мы узнали, что твой прадед в Муроме обитал? Переехать из Казахстана в далекую Рязань и выкопать на огороде послание прадеда, это так романтично. Знак судьбы. А ты «Татарская порода! Татарская порода». Ты Олечка, когда что-то новенькое появится, скажи, не тяни. А я про Мусатовых в интернете покопаюсь. Интересно, аж под мышками чешется.

Интернет – дело хорошее. Как шкатулка с сокровищами – кликнешь пальчиком и, вот тебе про края неведомые, про чудеса неземные, про судьбы завлекательные. Набрал на клавишах слово «Мусатов» и, вот тебе аж два десятка Мусатовых! Саратовские и Московские, Нижегородские и Белгородские. И не одного Муромского! Ан, нет. Есть один: «Мусатов Гаврила Севастьянович. Из вольноотпущенных от Шепелева. Муромский купец. Жена Катерина Никифоровна. Дети: Николай 1802г, Иван 1803г, Дмитрий 1806г»

– Так, двигаемся дальше, – у деда от нетерпения зачесался уже затылок, – Где это Шепелево? Набираем, нажимаем, читаем; Шепелево, Суздальский район Владимирской области. Село огибает ручей Чеклушка и запирает Ключевой овраг. Глухомань! Что-то маловато для Муромского купца. Да и до Мурома далековато. Пока оставим. Идем дальше: Шепелево, Касимовский район Рязанской области. Известно с восемнадцатого века. Рядом, в селе Токарёво каменная

церковь во имя Святого Николая. Перестроена из деревянной церкви в каменную в 1785 году. До Мурома рукой подать. Рядом Ока соединяет Муром, Касимов и Рязань. Это уже интересно. Вот только с Астраханью никак не соединяется!» – дед почесал затылок, выключил компьютер и пошел пить чай.

– Ты, чего такой взлохмаченный? – Катерина погладила лысую голову мужа, – Небось, чудище увидел тама? Или девок выглядал?

– Не тама, а тута! – дед передразнил Катерину, – Мусатовых, твоих родственников, выглядал.

– Ну и что? Навыглядал?

– Да нет. Только запутался. Там этих Мусатовых: пруд пруди! Нужны более точные зацепки. Подождем, пока Ольга, что-нибудь новенького принесет. Давай лучше старые фотографии посмотрим, может, где надпись есть. Или указание на место.

– Давай. Где – то у меня карточки деда и бабушки по отцовской линии были.

Когда фотографии были разложены на столе, Борис взял лупу.

– Давай Катюша рассказывай по порядочку: кто есть, кто и что помнишь.

Катерина надела очки и взяла первую, пожелтевшую от времени, фотографию:

– Это папка мой, Георгий Иванович, – с маленькой фото-

карточки смотрел белобрысый паренек в лихо придавленной набок фуражке, – Это Астрахань, 1938 год.

– Вижу, что квартира у Мусатовых была не бедная. Вот, смотри, этот снимок сделан на фоне крепкой парадной двери с высоким каменным фундаментом. А этот снимок сделан в квартире. Приглядишься: резная дверь и стул, на котором сидит твой папка, изогнутый, как у финской мебели. А на спинке кровати видны литые фигурки. Можно сделать вывод, что семья Мусатовых в Астрахани не бедствовала.

– А на этой фотографии дядя Толя, папкин брат. Посмотри на подпись.

– Ну – ка, дай прочту, – дед вооружился лупой, – *«Выпускники 7 кл. „А“ с.ш. №47 им. Луначарского. 12. Июня 1941г.»* Интересно, через десять дней начнется война, а они смотрят на нас чистыми, счастливыми глазами. Это какой дядя Толя? Тот, который живет в Оренбурге?

– Да. Помнишь, в 1980 году, к нам в Кандагач, приезжал в гости Виктор, мой двоюродный брат. Так это дяди Толин сын. Есть еще сыновья Гена и Володя. Они все живут в Оренбурге. Вот только адреса я не знаю, Тридцать пять лет уже прошло! Помню, что совхоз «Овощевод», а дома не знаю. Найти бы дядю Толю. Он наверняка что-то помнит.

– А это что за «Чапай»? – дед взял в руки фото, на которой группа царских офицеров сгрудилась у стола с наряженной елочкой. Особенно выделялся невысокий офицер с красивыми, завернутыми кверху усами. Ну, вылитый Чапаев! Да

и по чину, видно старше всех. На груди два «Георгия», две медали, на руках богатые часы.

Иван Георгиевич Мусатов (В центре).

– А, это мой дед, Иван Георгиевич Мусатов. Сохранилась только эта фотография. Ты прочитай, что на ней написано.

– Читаю: *«На празднике Рождество Христово с друзьями на елке. Иван Мусатов. 25 декабря 1916г. Карпаты»*. Это однозначно, что идет первая мировая война. Полевой лагерь. Смотри: елка не срублена, а просто к ней приставлен стол с, наспех накрытой скатертью. На столе закуски нет, зато стоит красивая бутылка спиртного в плетеной корзиночке. Раньше молдавское вино в таких корзиночках продавали.

– А почему ты думаешь, что это полевой лагерь? Может

санаторий?

– Может, если не считать, что стол стоит на снегу, а вместо скатерти наброшено знамя и сапоги у всех офицеров в грязи...

...Вера Сергеевна осторожно извлекла тетрадь из емкости с закрепляющим составом. «Теперь каждая клеточка в структуре бумаги держится друг за друга, – Вера Сергеевна с замиранием сердца перенесла тетрадь в сушильный шкаф, – Теперь немного подсушим, накрутим на вальцы и поместим в спектральный анализатор. Твоя тайна станет моей тайной!».

– Вера Сергеевна! К вам можно? Я на минуточку.

– Заходи, Ольга Борисовна. Я как раз над твоей тетрадью колдую. Не хочет она со мной разговаривать. Молчит, как тот партизан!

– А почему она вся раздулась, как рыба-пузырь?

– Это она раствору напилась. Теперь не рассыплется. Ты за новостями?

– Да. Два месяца уже прошло. Я думала, уже что-то для меня есть.

– Есть, Олечка. Во – первых, тетрадь подлежит восстановлению, в чем я раньше сомневалась. Думаю, после просушки, можно начинать проявлять первые листочки. Думаю, что через месяц – полтора анализатор выдаст первые результаты. Во – вторых, я просмотрела вторую обложку. На ней явно проглядывается продавленная надпись: «1920 годъ. Ряза-

ни». А на внутренней стороне обложки: «Эх, сынок ты сынок!»». После спектрального анализа скажу точно.

– Спасибо, Вера Сергеевна. Не торопитесь. Как получится, так и получится...

...Дед Борис, придя с работы, заметил округленные глаза Екатерины и розовые пятна по щекам

– Что случилось? На тебе лица нет. Или опять потеряла чего?

– Не потеряла, а нашла. Садись, расскажу все по порядку, – Катерина долго наливала чай, будто собиралась с мыслями.

– Даже не знаю, как начать. Уж больно неожиданно всё.

– Начни сначала, – дед изобразил сцену в театре, – Я родилась 29 июня 1949 года в семье картежника Жорки...

– Дурачок. Значит так. Решила я позвонить племяннице Вале Пигариной. Ну, там узнать, что и как. Она рассказала, что переехала жить к родителям мужа в Оренбург. В поселке «Овощевод» у его родителей большой дом, да и бабушка Лиля просила с внуком повозиться. Я ей говорю, что в совхозе «Овощевод» когда-то жили мои родственники Мусатовы: дядя Толя с Антониной и детьми. Время много прошло, считай с восьмидесятого ни слуху, ни духу. А она говорит, что у них соседи тоже Мусатовы. Примерно, твоего возраста. Дядя Витя и тетя Галя. Она их каждый день видит, когда с Владиком по улице гуляет. А я говорю: Покажи ему мою фотографию, у тебя же есть. Она говорит ладно, покажу. Че-

рез два часа перезванивает и смеется. Говорит, понесла фотографию соседу. Он посмотрел и со стула свалился. Кричит: «Да это ж Катя, сестренка моя! А я её искать собрался, только не знал как. Хоть в передачу „Жди меня“ обращайся. Это судьба!». Твой телефон я ему оставила, жди звонка.

Катерина

А через час снова звонок: «Привет сестренка. Как я рад услышать твой голос!» Ну, поговорили, поплакали в трубку, а потом Витя спрашивает: Ты говорит: «Как на родине предков оказалась? Как ты узнала, что дед наш Иван из Рязани?». Теперь я со стула свалилась. Говорю, что впервые от тебя слышу. Что нас дети в Рязань переманили. А он продолжает: «И баба Дуня тоже рязанская. У неё фамилия была Дьяконова и жила она в селе Дьяконово, что под Рязанью. А сестра её Тоня из Поповки, что в Касимовском районе. И муж её Паша в Токарёво похоронен. У меня письмо есть». Я ему

тоже про тетрадку рассказала. Что ты в интернете информацию нашел, что якобы какие-то Мусатовы муромскими купцами были. Он говорит, что это возможно, потому, что Касимов и Муром рядом.

– Я больше скажу. За двести лет Владимир и Рязань сто раз передавали касимовские и муромские земли друг другу. Ну, ты Катюша даешь! Вот чувствовало мое сердце, что мы на правильном пути! Во-от, чувствовал я, что у тебя купеческие замашки проглядывают! Теперь, ежели, кто спросит: Откуда ты родом? Ты смело отвечай: Купеческого роду мы!

– Ладно тебе, надо мной издеваться, – Катерина засмушалась, покраснелась. Но дед видел, что Катюше приятно слышать о себе неведомые слова, – Витя попросился в гости приехать. На наш день рождения.

– Это как на ваш день рождения? Ты уже себя на «Вы» изволите называть? А налейте-ка мне чайку горяченького, если Вас это не затруднит. Извините, сударыня, сидите, отдыхайте, я сам о себе позабочусь. Не барское это дело, челяди чай наливать!

– Хватит издеваться. Я совсем про другое дело. Мы с Витей родились в один день, и в один год – 29 июня. Вот он и просит приехать с женой на наш общий день рождения.

– Прекрасно. И попроси его захватить с собой все фотографии, письма. Ну, ты поняла я о чем. И нужно с детьми посоветоваться, как дальше действовать...

...Второй семейный Совет прошел под бурные аплодис-

менты детей. Бабушку Катю заставили надеть красивое платье и посадили во главе стола.

– Вот дети и внуки мои! Разрешите представить её Величество Екатерину из старинного рода купцов Мусатовых. Прошу любить и жаловать. Только денег пока не просить! Завещание мы пока не нашли, но уже взяли правильный след.

– И купим новую машину! – Яночка радостно вскинула руки к потолку.

– И прицеп для денег, – передразнил дочку Славик.

– Я думаю, что нам нужно всю полученную информацию, подтвердить реальными фактами. Какие будут предложения?

– Съездить в Муром. Там наверняка есть музей, – первой высказала мысль внучка Настя.

– Съездить в Касимов, – добавила Наталья.

– Съездить в деревню Дьяконово. Может, живы еще те, кто знал Дьяконовых, – добавил дед.

– Обратиться в областной архив, – Ольга уверенно посмотрела на отца.

– Дождаться Виктора Мусатова, посмотреть, что он привезет, а потом делать выводы и решать, – Катерина в своем голубом платье, действительно, выглядела, как королева, по случаю посетившая крестьянскую избу.

– Мама права. Нам еще рано куда-то ехать. Фактов мало. Все на словах и на эмоциях. Дождемся Виктора, а там

определимся. Два месяца можно потерпеть. А вот, чего терпеть нельзя, так это сидеть без чая! Наташа! Неси чайник и все остальное. Не будем Катерину по пустякам беспокоить. А ты Оля, узнай у своей знакомой, как обстановка по тетрадке. К Витиному приезду нужно знать больше.

– Хорошо папа. Завтра я заскочу к Вере Сергеевне...

...Вера Сергеевна читала дневник, а мысли уносили её в далекое прошлое, в глухие леса Мещерского края. Там, среди величавых сосен и кудрявых берез, в разбросанных по солнечным опушкам деревнях, жил простой люд...

© «Деревня Шепелёво приютилась по краю дремучего хвойного леса, который оберегала своими бегучими водами Ока-матушка. Убегая от Рязанских куполов, стремилась на север, к Великой Волге-реке, но у Касимова, будто, что-то забыв, поворачивала обратно. Затем, еще раз напоив Мещерские леса, уже спокойно, простившись с Ташенкой, несла свои воды на Выксу, Муром и до самой Москвы-реки. Если утром сесть на лодку «Гусяну» в Рубецком, что в десяти верстах от Шепелёва, то вечером вернешься в Ташенку, в четырех верстах от деревни.

Крестьянская семья Рязанской губернии

Деревенские мужики, когда барин разрешал съездить на ярмарку, гадали: «Ежели ехать в Ташенку, то товару в Токарёве, как пить, будет больше! Ежели выбрать Токарёво, то гулянье в Ташенке пропустим! Куды податси?» Бабы не выбирали: «Куды? Куды? В Лом помолитси, а посла в Ташенке повеселитси. В Токарёве ситцу оне больше, да чаго в нёму проку? Все одно разбойники отберуть». Своя правда у баб, конечно была. В Ломе находилась Богородицерожденственная церковь, куда были приписаны шепелеские и бреевские прихожане. В Ташенку дорога открытая, перегнул через бугор, проехал Бреево

и вот она Ташенка, с красивыми каруселями и разноцветными торговыми рядами. Ежели в Токарёве товар Рязанский, то в Ташенке сплошь Муромский, да Касимовский. «Ежли усе срази хотца, то ничаго ня будять!». Логика у баб железная, проверенная временем. Путь из деревни, что в Ташенку, что в Токарёво одинаковый – четыре версты с вершком. Но дорога в Токарёво идет по глухому лесу, и только по зимнику можно пробраться среди вековых сосен. В том году, на Рождество, «темные люди» перегородили дорогу повальным лесом, да отобрали все, что купили мужики на ярмарке. С двух телег! С той поры зарок: меньше пяти телег не собирать, да каждому «цепы с крепкими гужами» с собою брать. Шепелевские мужики – народ крепкий, гужилистый. Взять, того ж Ваньку Мусата. На Троицу кулачные бои устроили. Так Ванька Мусат троих побил. Росту небольшого, а Яфима Темного враз на землю бросил, хоть Ефим выше Ваньки на целую голову. После того случая, с Ванькой, никто на бой не выходил. А бреевские ребята, как узнали, все спрашивали: «Кажите, игде Мусат будять? Мы с ням битси не будям! Другага ставь». До того случая Ванька Мусат и так был в уважении. Его отец – Дмитрий Гаврилович, из вольноотпущенных, у барина в кузне работал. С детства приучил Ваньку железо гнуть. Особенно получалось у Ваньки ножи точить.

Как-то привез он из Клетинских мастерских мусаты с ручками и вручил Ивану: «Будя тобі игратси. Надявай запон и ширкай, пока бока у ножей не заблестятъ». С тех пор стали Ваньке ножи, косы, серпа привозить: и из Бреево, и из Лома, даже из Сидорова и Ташенки. Когда отец слёг, управляющий имением, Анисим Данилович, Ивана ко двору приставил: «Будешь вторым помощником кузнеца. Больно шибко у тебя енто дело клеится! Довольствие будешь получать, как дворовой, отцу поможешь. С Эммануилом Ивановичем я договарюсь». А, через год, сам Эммануил Иванович Баташов лично хвалил Ваньку за хорошую работу:

«Гляжу я, талант у тебя к слесарному делу. Если за год подготовишь себе ученика прилежного, то заберу я тебя в Гусь-Железный. Мне мастеровые ох – как нужны! Что в Гусе, что на Выксе. А могу в Клетино определить, в мастерские. Или в кузницу, что в Гусевском Погосте. Сколько сейчас тебе годков? Двадцать уже? Добре. Жена есть?»

– Рано яцо, – Ванька смутился: «Чаго барин до мойой жизни привязалси? Щас свиязев набьетъ и укатить в свой Гусь. Врётъ, що заберётъ. А тама можа и ничо? Можа хватить в энтой гразе ковырятьси?» – Ванька призадумался, – А вы, таго, не обманети?

– Баташевы своё слово всегда держат. Вон Анисим

Данилович может подтвердить, – Эммануил Иванович подозвал стоящего в сторонке управляющего.

– Ай-яньки! Чего изволите, Эммануил Иванович? – управляющий изогнулся «вопросительным знаком» навстречу барину, заглядывая ему в глаза.

– Хочу я тебе, любезный Анисим Данилович, дать поручение.

– С привеликим удовольствием исполню, барин. Поручайте.

– Во-первых: приставь к Ивану ученика из смышленных крепостных. Иван пообещал сделать из него такого же мастера, как он. Верно, я говорю, Иван?

– Верно, – Иван точно помнил, что ничего еще не обещал, но перечить не стал.

– Во-вторых, найди ему хорошую девку. Негоже ему в холостяках ходить. Не ровен час, начнет девок портить. Вон, как кровь по ногам бьет! И домовитую девушку подбери, чтоб мужа, как любимого коня берегла. Справишься?

– Подберу! Чего ж не подобрать. Будет узду крепко держать, – управляющий никак не мог понять: это шутка, или приказ?: «Если он хочет Ваньку в свое „Орлиное гнездо“ увезти, то и мне можно? Вон, моя Зинаида, как расцвела. Чем не пара Ивану? Вот, она удача. Сама в руки идет!» – Анисим Данилович уже представил себя «франтом в бабочке», прогуливаю-

щимся «по столице Баташевского царства».

– Ты меня слышишь? К следующему моему приезду на токовище доложишь об исполнении. И смотри у меня! Ты меня знаешь. И сходи на кухню, проверь, чтобы к связям яблочек не забыли положить. И скажи там: если рябчики, как вчера будут холодными, то разгоню всех к чертовой матери. Чтобы меня больше не позорили перед гостями...

∞ ...Борис вглядывался в поток людей, идущих по перрону рязанского вокзала и, переживал: «Как бы ни пропустить. Когда я Виктора последний раз видел? В 80-м? 79-м? Тогда он был молодой, коренастый, с копной светлых волос, солдат. А сейчас, наверное, поджарый, подсохший, поседевший, а может полысевший дедок. Как, вон тот, что с сумками поспешает за моложавой тётенькой. Ой! Они мне руками машут! Да, это и есть Виктор. А с ним Галина его. Вот концерт!».

– Как вы меня узнали? Я вот Виктора не узнал.

– А чево тут узнавать? Ты же сказал: маленький, лысый, толстенький, – Галина осмотрелась по сторонам, – Так ты здесь один такой, на весь перрон.

До позднего часа просидели Катерина и Виктор, перебивая друг друга, одновременно задавая вопросы и, одновременно отвечая на них, чем до слёз забавляли деда Бориса. На следующий день, за накрытым столом, Борис представ-

лял свою семью:

– Ольгу и Наташу ты, надеюсь, помнишь, правда, они еще маленькие были.

– Как же, помню. Олечка уже в школу бегала, а Наташе годика три было, с коленок не слазила, забавная такая. Между прочим, своих детей я тоже Наташей и Ольгой назвал.

– Не зря же в один день, и один год родились. Значит, к нам мысли одни и те – же приходят, – Катерина подложила кусочек торта Галине, – Не удивлюсь, если они и профессии выбрали одинаковые.

– Не перебивай меня, Катя, – Борис замахал руками, – Ольга у нас в областном архиве работает, а Наташа по поварской линии пошла. Сейчас шеф-повар в элитном ресторане. А какие она торты печет! Кофе-брейки разные там. Обедение!

– Вижу по столу, что мастер в этом деле, – Галина с восхищением кивнула на стол.

– А это Славик наш, муж Наташи. Завтра проедем по Рязани, посмотрите, какие он вещи делает из металла. Художественное литье, декоративные решетки, заборы, беседки. Недавно из Москвы вернулся, устанавливал решетки на доме – музее художника Рериха.

– Ну, немного не так, – засмутился Славик, – У нас бригада по художественной ковке. Я не один. У нас ребята такие вещи делают, что глаз не оторвешь. А вообще-то я сварщик.

– Я сказал бы: не только сварщик. Вон, с Наташей, какое

чудо создали! Наша внучка Яночка. Наша артистка и красавица. Лауреат многих международных вокальных конкурсов. Успела побывать во многих городах России даже в Эстонии, Швеции, Финляндии и, забыл еще где. Мы были с Катей как-то на одном концерте. Выходит ведущая и объявляет: «А сейчас на сцену приглашается лауреат национальных и международных конкурсов, солистка ансамбля „Дети солнца“ Яна Горинова!» У нас с бабушкой сердце из груди выскакивает, от гордости. Осенью готовится поступать в музыкальное училище. А это Настя, вторая внучка, Ольгина дочка. В колледже получила специальность по компьютерам и работает на знаменитом приборном заводе. А это наш маленький, капризный «хулиганчик» – Егор. Ему только полгодика исполнилось. А где твои девочки, Наташа с Ольгой работают?

– Наташа работает в молодежном центре, педагог, а Ольга в торговом центре.

– Ну, вот и познакомились. Теперь наше семейство увеличилось в два раза. На следующий год обязательно приедем к вам в Оренбург. И спасибо за информацию о предках Мусатовых. Теперь нужно время, чтобы во всем разобраться. Мы обязательно будем планировать поездку в Муром и Касимов. Хочется своими глазами увидеть, где Катины предки обитали, подышать их воздухом.

– А я то, как хочу, – Катя пыталась спрятать наворачнувшиеся слезы за Витиной спиной.

– Это я виноват, что подробно и в свое время не расспросил бабу Дуню и отца, когда они были живы. Знаю только, что дед Иван после революции работал в руководстве Рязани, заведовал кадрами или что-то в этом роде. Баба Дуня, Евдокия Аркадьевна Дьяконова, была дочь дьякона, из деревни Дьяконово. В 20-м, или 24-м они срочно уехали в Астрахань. В 43-м дед Иван неожиданно простудился и умер. Он до конца работал начальником переправы в Астрахани.

– А почему я раньше, когда была помоложе, об этом не знала?

– Никто не знал. Баба Дуня рассказала об этом только перед своей смертью. Даже детям своим не говорила.

– Да, я помню. Баба Дуня скрытная была. Поговаривали, что даже ворожить умела. Мои тетки Лукановы часто говорили: «Ишь ты, барыня нашлась, нос от всех воротит. Знаться ни с кем не хочет. Все у ней на уме».

– Вот, здесь ты сестренка в самую точку попала. Мы сначала думали, что она заговариваться начала, но она настаивала на своем: «Видит бог, что правду говорю! Не верите, Антонине напишите в Поповку. Отца моего, Аркадия, в революцию, с колокольни прямо на колья сбросили. Церковь, где он служил, недалеко от деревни Дьяконово была, в трех верстах, названия я уж не помню. Тута отец Ванькин, Георгий Иванович, объявился. Он в Касимове торговлей занимался. Купец второй гильдии. Вот мы и бежали от греха подальше».

– А почему тетки мне говорили, что она высокомерная

была?

– А потому, что она из дворянского рода была. Её предки тоже купцами были.

– Час от часу не легче. Это ж, что получается? Ты, Екатерина Георгиевна не только купчиха по деду, но и дворянского рода по бабке? Как я теперь тебя на огород пущу, картошку полоть? Ни в жизнь! Будяшь таперя на паньке сидети и на цвяты глядети!

– Да! «Таперя мы такеи», – Борис заметил, что ни Ольга, ни Наташа, ни Катерина больше не прячут сверкающих от слез глаз...

© ...«Жизнь в Шепелёво не отличалась разнообразием.

С весны деревня делилась на две части. Одна половина с раннего утра до позднего вечера копошилась на полях, что цепочкой огибали холмы, заросшие березняком. Вторая половина тянулась к лесу, к сушильным полянам: стаскивать лес, что зимой нарубили ломовские лесорубы и перевозить его телегами в Рубецкое для переправки плотов в Клетино, и в Ташенку для отправки плотов на Выксу. Подготовка бревна – дело тяжелое, но выгодное. Сначала бревна шкурили, распиливали ровно по две с половиной сажени и укладывали вдоль дороги. Затем перекидывали по мерке на две стопки: В треть аршина и в четверть арши-

на толщиной. Когда заканчивался ледоход на Оке, подавали длинные телеги и осторожно перевозили лес в Ташенку. В хороший год получалось не меньше трех тысяч телег. Если по четыре куба на телегу, то сезон обойдется в 12 тысяч кубов! А ещё «концов», после распила, получалось не меньше тысячу кубов! «Концы» развозили по избам, мало ли кому пригодится: на сарай, на баню. Если распил получался в сажень и более, то и избу можно поставить. А дрова? Баню топить сосной одно лечение! Мужики наловчились: сначала натопят березовыми дровами, чтобы стены нагрелись, а потом докладывают сосновыми чурочками, чтобы запах был, как в лесу! Хорошо! Не всегда так было. Когда лес подходил близко к деревне, бани строить запрещали. Боялись пожаров. Мылись в печах. Лет десять назад, когда после вырубki леса, образовались пропашные полянки, запрет сняли. Особенно радовались бабы, вспоминая ожоги на плечах после помывки в печи.

– Шабаш! Хватить бревны тащить. Погодим, когда Яфим Темный лошадей с телегами подасть, – мужики расселись на сложенные вдоль дороги бревна,

– Дед Михей! Давеча ты про Баташовых сказывал. Ишо соври чаво нибудь. Больно складно у тебя выходить.

– А чаво не погутарить! – дед Михей удобно уселся на бревне, растолкав мужиков, – Так на каком путях я остановилси?

– А ты сначни с переде. Тута, кто в прошлом разе не дослышал чаво. Ты сказывал, поругались они, да и разбежались, кто куды.

– Ну, энто кажный по – своему понимает. Я, когды в Гусь – Железном на заработках бывал, мне много кой чаго сказывали. Всяго и не упомнишь. Но, кой чаго помню. Хотитя – расскажу:

«Жил в Туле богатый человек – Иван Тимофеевич Баташов. Ну не сразу богатый. Сначала кузнец. Потом, благодаря знакомству с известным промышленником Демидовым, накопил богатое состояние. Сто лет назад Иван Тимофеевич решил расширить свои заводы и наказал внукам своим Андрею и Ивану Баташовым начать свое дело на новых землях. Так на Гусе появились чугунно-литейные заводы. Шведы, до сих пор „помнят“ пушки и ядра, которые выливались на заводах братьев Баташовых. А когда Екатерина Великая, ко дню рождения Ивана, подарила разрешение осваивать берега Выксы и Велетьмы, то заводов у Баташовых стало „пруд пруди“. Почитай – больше десятка. А столицей империи Баташовых стал Гусь – Железный, другими словами „Орлиное гнездо“. Считай, двадцать пять лет, братья правили своим желез-

ным царством»...

– А, ты дед Михей, видал, то «Орлиное гнездо»? Почему гнездо то?

– А, чо не видать то! Добре, расскажу про гнездо: «Проезжаешь Клетино и, вот она, крепость под красным кирпичом. Ежели по кругу брать, считай, версты две будет. Из каждой башни, что построены в ряд, можно легко докричаться и сообщить, ежели кто посторонний подойдет. Поверху проход с бойницами для мушкетов. Одним словом настоящее гнездо. А, Орлиное, потому, что орлы там проживали, то есть братья Баташovy. Я молодой тогда был, лет двадцати. Собрали нас, как то, таких же молодых, и увезли в крепость ту, садубирать. Ветки, траву, всяку мелочь. Завели нас в ворота и, бог мой! Красотища! По центру дворец на два этажа. А вокруг сады под стеклом. И на деревьях корзинки плетенные висят. Говорили, что их едят! Христом богом клянусь, едят! Анунасы прозываются. Я потрогал корзинку, а она меня, как уколёт! А, когда парк прибирали, то тоже страху натерпелись. Ляжит большой камень посреди деревьев и вдруг раз и раскололся на два камня. А меж ними дыра под землю! И оттуда шум слышатся и ветер холодющий. Сказывали, что это подземные ходы к хозяину Мещеры! Братья Баташovy договор с ним скрепили: он им подземные богатства в обмен на моло-

дых девок и парней отдавать будеть. Каждый день! Когда из барского дома посыльный прибежал и крикнул, что в дом два молодых и красивых парня просят, я чуть портки не испортил. Притворился, что у меня живот заболел и спрятался за беседкой, что разбросаны по всему саду. Потом, оказалось, что с крепостного театра два актера сбежали. Вот они и решили поискать замену среди нас...»

– Ну и споймали тех, кто убег? Батогами небось погуляли по спинам то?

– «... не поймали. Охраны в казарме цельный батальон! Всю ночь по саду факела мелькали. Но беглые, как в воду канули. Потом сказывали, что они через те подземные ходы к Мещере подались, просить о помощи...»

– Да, у Мещеры вона, какие леса, краев нет, – Ермолай опустил зипун и удобнее уселся на бревне, – Мне свояк сказывал, что один бедолага по грибы пошел. Идет, значит, белых выглядит. Когда назад повернуть решил, то глядь, а кругом вода. До вечера бродил в поисках сухой тропы, да так и уснул от усталости, на небольшой опушке. А проснулся в избе с бородатыми мужиками. То, лесная мещера его нашла и в свою глухую деревню притащила. Неделю там прожил. Ужаси сказывал! У старшего ихнего на груди и спине бляха висить, медная с шумящими висячками.

Они яго толаво́й называют. А ходю́ть они по болоту, как мы вот, по твёрдому. И бабы у них все кольцами обвешаны. И тож с шумящими висячками. А одна, тож бляхой сверкает.

– Ну, уж такого не бывает! Они, те мужики, с ведьмами болотными живут чо ли? А ли как?

– Я не знаю, он мне не говорил про то. Говорил, что кички у них рогатые, будто рожки выглядывают. А так, ничо, от наших баб не отличишь,

– А куды ж помещик то глядеть? У няго работники с ведьмами бесуются, а ему нипочем. Можа, ихняй барин из чуди, которая детей пугает?

– Да нет, того не может быть. У них ни помещика, ни другого барина нет. Только старшой. Каждый делает, что хотить! Даже тягла нет! Всё обчее. Еле-еле тот мужик уговорил отпустить его домой. Уговорил. Они ему глаза завязали и вывели на сухую тропинку. Вот так. Может они и есть те беглые?

– Вот и я говорю, – дед Михей поправил, съехавший набок, картуз, – Есть, у меня мысля: те ходы, что в батшовском саду среди камней спрятаны, в мещерские леса ведут. Бреевские мужики сказывали, что по ночам из нашего лесу голоса слышны. Будто хохочет кто-то. В какой день мужские голоса, а в какой день вроде бабские голоса.

– А, что же власть молчать? Акспедицию в лес заслать, пущай порядок наведут. А, может, это Баташovy, своя лесное царство там устроили? Или, кто ищо?

– Ну, Андрей с Иваном уже давно на небе, в царствие небесном отдыхают. А при жизни, сказывают, дялов натворили. Расскажу, что тогда говорили:

«Когда царица разрешила братьям земли на Выксе осваивать под себя, братья поехали по окрестностям деревни крепостных скупать, чтобы фабрики свои работными людьми наполнить. Платили хорошо. Но один помещик больно жадный оказался: ну, ни в какую не хотел идтить на предложенную сумму. Так, вот, однажды приехали родственники того помещика в гости. Глядят, а деревни то нету. И усадьбы нету. Кругом пуста, только бурьян растеть. Как, будто и не было здесь никого. Обратились в управу, а там только руками развели. Почитай две с половиной сотни крепостных жили и пропали. Только, через несколько лет, объявился в Гусе человек, который будто бы рассказал, как было дело. Однажды ночью приехали в поместье „несговорчивого“ помещика вооруженные люди. Избы и барский дом разобрали, крестьян по телегам усадили, хозяина в пролетку. Землю перепахали и, нет деревни! Никого нет, окромя вставшей посля дождя травы. Догадывались, что это дело рук Баташовых, да кто захочет связываться с „же-

лезными королями“? Проверяющие чиновники, посланные губернатором, вернулись ни с чем. А все из-за „хитростей“ Андрея. Хозяйский дом был построен так, что одно крыло находилось на владимирской земле, а другое на рязанской земле. Если приезжали чиновники из рязанской губернии, то братья переходили на владимирскую половину. И наоборот. Рязанским чиновникам говорили, что хозяева „отбыли“ в Владимирскую губернию, мол, обращайтесь туды, а владимирским чиновникам говорили, что хозяева „почивают“ в рязанской губернии, а когда возвратиться „не докладывали“. Да врут, люди, сколько времени уже прошло с той поры...»

– А я слышал, что Братья Баташovy и не жили вместе. Тот, которого Андреем величали, жил в Гусе. А младший брат яго, Иван, хозяйничал в Выксе. Что по ентому поводу скажешь?

– Что скажу? Не родился я еще тогда, – дед Михай хитро глянул на небо, – Я, когда работал в ихней усадьбе, то хозяином был Дмитрий Дмитриевич Шепелев, герой войны с французом. Про ссору братьев Баташовых, в точныя не знает никто. Гутарили, что из-за девок дворовых поругались. Будто бы Андрей, хоть и суров был, но до девок был больно охоч. При доме жили не менее пяти десятков молодых – от 15 до двадцати лет. Старший брат сам их

подбирал: чтобы красива была и работаща. И все такое. Кто хозяина ослушался, тому место на полотняной фабрике, сукно красить, али ишо хуже: в мыловарню... Так и существовала така карусель: хозяин, прачечная, полотняная фабрика, мыловарня, откуда ужо никто не возвращалси. Иван другого характеру был: спокойный, мягкий, честный. Поначалу, не перечил старшему брату, творить его «темные» делишки. Но, когда Андрей начал разных каторжников в крепость собирать, да «не замечать» их разбойничныя дела в муромских лесах, то возмутился: «Мол, зачем, брат, фамилию Баташовых позоришь?» Андрей сказал: «Ты мне не указ, что хочу, то и буду делать! А, если тебе не нравится, то вот порог, живи там, где тебе не стыдно». Иван собрался и уехал жить на Выксу, да и остался там управлять заводами. А, как дальше было, не ведаю. Знаю, что внучка Ивана Дарья вышла замуж за Дмитрия Дмитриевича Шепелева, который нашу деревню поднял.

– Что значит, поднял? – мужики заерзали на бревнах, – Перетащил на другое место?

– Нет. Поднял до известности. Наша деревня Залесовым прозывалась, и было в ней дворов десять, не более. И вот однажды, было это уже после французской войны, появился в деревне господин, военного стиля. С ним много народу приехало, на лошадях,

все, как один, подтянутые в плечах, с усами и шашками на боку. Цельную неделю ездили по лесам, что – то высматривали, вымеривали. Сказывали: то в Ташенке, то в Рубецком видели ихних лошадей. Потом охоту устроили. Я там тожа был, помогал с ребятами лося из лесу выманивать. Три дня, опосля того, они в помещичьей усадьбе гуляли. А, наутро седьмого дня исчезли. И помещик исчез, вместе со всей семьей!

– Убили, чо ли по пьяному делу?

– Слушайте дальше. К полудню, согнали всех жителей села к усадьбе и велели слушать. На крыльцо вышел человек и объявил, что с энтого дня деревня с дворами, крестьяне с тяглами, окрестные леса и земли, принадлежат новому хозяину – Дмитрию Дмитриевичу Шепелеву. И прозываться эта деревня будет по новому – Шепелево. А он, значит, новый управляющий, и служить ему надобно не хуже, как бывшему помещику. А вольные жителя, пусть решают, как пожелают: остаться, или уехать, держать никто не будет. Из наших, вольных, только Ваньки Мусата дед осталси, Гаврила. Да, кто ж такого кузнеца отпустит? Когда Шепелев уехал, начались невероятные события. В деревню привязли ищо народу, считай на двадцать тягла. Говорили, что в Лом привязли столько же. И в Ташенку даже более. Избы поставили новые. Обчественную баню! Ту, которая десять лет, как

сгорела. Это сейчас почти у каждого баня, а тогда это была новая дело! Усадьбу кирпичом обложили. Пруд начали копать. Жизнь в хорошую сторону повернулась. На новых прирезках лен посадили, опять же подсолнух прибавили! А всяму, баташовский род, тому виной. Для перестройки заводов в Гусе и Выксе закончились запасы леса, видать всю округу там порубили. А наш лес еще в прошлые времена был известен, наравне с муромскими лесами, где флот для Петра Великого строили. Вот и прослышал про это новый хозяин «Баташовского царства» – Шепелев. И решил он здесь лес заготовливать и по Оке в Гусь и Выксу сплавлять: для Гуся в Рубецком плоты вязать, а для Выксы в Ташенке плоты скряплять. В Клетино их вытаскивали на берег для Гуся, а в Досчатом перетаскивали на Выксу. Вот почему ваши отцы, считай лет тридцать на этих бревнах сидели, а сейчас мы вот тут загораем, телеги ожидаючи.

– А вона Яфим, те телеги уже тащить! Ну-ка, мужики, руки ноги разомнем»...

∞... Когда проводили Виктора с Галиной, Борис с Катериной заскучали.

– Ну и что теперь будем делать? И зачем? Жили спокойно и дальше будем жить. Какая разница: купцы были или революционеры. И что изменится? Никому это не нужно.

– Не скажи Катюша. Я бы многое отдал, чтобы узнать, как жили мои предки. Вот и внуки наши захотят узнать, а время все сотрет. Не хочу я, чтобы у нас позади белое поле было.

– Да как ты узнаешь? Там уже нет никого.

– А я думаю, что нужно составить план, и не торопясь искать факты. Вот, по линии деда Ивана, можно в Касимов съездить летом. Нет, сначала в Муром. Наверняка там есть исторический музей. Потом в Касимов. У нас, судя по записям дяди Толи есть одна зацепка: адрес в Касимове. Улица Набережная, дом сто пять. Есть деревня Поповка, указанная в письме бабы Антонины, двоюродной сестры тети Тони. Вот, смотри, что в письме написано: *«...Тоня сообщаю тебе, что я осталась одна, как ты. Проша мой умер 21 февраля 92-года... Сейчас вот сижу и плачу, и обо всех вспоминаю. Много мне родных прислали писем, и вот сегодня решила всем написать... Похоронили его на родине в Такареве... Из Касимова сынок Володя приезжает, навещает его... Тоня из Грузии прислала письмо, когда Проша еще лежал на столе. Вот, что значит родная кровь. Еще умерла твоего Анатолия сестра Таня. Это от т. Матрены, отцовской сестры, так, что из двоюродных Мусатовых осталась одна Мария в Москве...»*

– И что это дает?

– Многое. В дневнике дяди Толи есть запись: Мусатов Прокопий Степанович, 1919 года рождения, деревня Поповка Рязанской области. Сын Владимир. Давай посмотрим кар-

ту. Смотри: деревня Поповка расположена на правом берегу Оки в четырех километрах от села Ташенка. В четырех километрах, на правом берегу, есть деревня Шепелёво, а от Шепелёво до Токарёво тоже четыре километра. Делаем вывод: В конце девятнадцатого века в районе от Ташенки до Токарево жил Степан Мусатов, который был двоюродным братом твоего деда Ивана. И был у него сын Прокопий, который женился на сестре Антонине, которая была двоюродной сестрой Евдокии Дьяконовой, твоей бабушки. Двоюродные братья поженились на двоюродных сестрах! Ну и дела! Если мы съездим в Поповку, то можем застать там Владимира, которому столько же лет, как и тебе. Едем?

– Сейчас, разогнались! Что мы скажем? «Здравствуйте, я ваша тетя! И куды, вы дели наше купеческое богатство? Открывайте свои сундуки, будям делить». Так, что ли?

– Да, ты права. Поспешать не нужно. Летом попросим сватов, чтобы в Муром нас свозили. А зимой поищем в архиве историю с дьяконом Аркадием. Я найду адрес архива Рязанской епархии. Если дед действительно сбросили с колокольни, тем более дьякона, значит это должно быть зафиксировано. Я думаю, это будет интересно.

Адрес архива епархии дед Борис нашел быстро. Даже нашел имя человека, который руководит архивом: – иеромонах Иоким (Заякин). В архивном отделе, который располагался в Николо-Ямском храме на улице Циолковского Бориса и Катерину встретили приветливо. Девушка, с грустными

глазами, молча, выслушала посетителей и также грустно ответила:

– Вы знаете, в данный момент помочь вам, к сожалению, не сможем. Батюшка Иоаким сейчас находится в Сасовском районе и управляет восстановлением храма. Приходите попозже, когда он вернется в отдел.

– А когда он вернется?

– Этого тоже никто не знает. Может, через месяц, а может и через три.

– Мы можем оставить свои координаты и письменный запрос?

– К сожалению, нет, – Еще грустнее ответила девушка, – Батюшка запрещает нам принимать запросы без его повеления. Приходите позже.

Возвратившись, домой, дед Борис задумался: «Три месяца, это многовато. Как же быть-то?» Выручила Катерина:

– Напиши письмо в газету «Панорама города». Там есть раздел «Дорога к храму» и раздел «Страницы истории». Они, точно разберутся.

– Умница ты у меня, Катюша. Напишу я Евгению Данилину. Этот докопается. Завтра и отнесу. И Ольге нужно позвонить, может новости, какие с архива появились.

Ольга привезла несколько восстановленных страниц из тетради:

– Вот, Вера Сергеевна передала. Я прочитала, но ничего не поняла. Какие-то имена, пометки, деньги.

– А что ты хотела? Чтобы тебе роман писали? Ты, когда хочешь запись сделать, чтобы не забыть, что пишешь? Самое главное и как можно короче. Вот смотри, что здесь написано: *«Поехали к деду Дмитрию в Шепелево. Тятенька уехал. Я остался на все лето. Карасей ловил. Дед про свою жизнь рассказывал. Хорошо!»*. Что можно прочитать между строк? Что в деревне Шепелёво, что затерялась среди мещерских лесов в Касимовском районе, жила семья Мусатовых. Дмитрий назвал сына Иваном. У Ивана родился сын Георгий, который записал этот дневник. Иван уехал из деревни давно, раз сына на целое лето деду погостить привез. Возможно из Касимова, или ещё откуда. И, наверное, не бедный. И, вероятно, дела какие-то у него накопились, если сына из дома надолго отправил. Смотри, какой почерк у Георгия ровный! Это значит, что отец имел возможность сына в хорошей школе выучить, или в гимназии, а это по тому времени недешево. Где в то время гимназии были? В Рязани, Касимове и Муроме. Дед много рассказал о своей жизни Георгию. О чем? Хотел, чтобы у внука память о предках осталась, о корнях Мусатовских. Здесь большой фантазии и не нужно. Читаем дальше: *«Ходили к лесу смотреть, как бревна на плоты готовят. Дед говорит, что крючья и скобы еще тятенька в кузне ковал. Им и сейчас износу нет»*. Так это целая история! Иван Мусатов по молодости в кузне работал и изготавливал для деревенских мужиков изделия из железа. Лемеха, бороны, мотыги и другую мелочь. А для лесорубов

крючья разные, багры, цепа. Судя по фамилии, имел умение серпа, косы и ножи точить. Да такого мастера в любом городе на ура примут. Вот дед Дмитрий и благословил своего талантливого в кузнечном деле сына своё дело затеять в городе. Если есть Георгий, значит, есть и мать. Если есть мать, значит, есть и семья.

– Ну, ты и фантазер, папа. Из двух предложений целую историю рассказал.

– Я расскажу историю, когда всю тетрадь восстановим. Когда еще принесешь?

– Вера Сергеевна говорит, что не скоро. Некоторые места вообще восстановлению не подлежат. Я думаю, что месяца через два еще несколько листочков будет.

– Ну, что ж, подождем. Будем сами додумывать...

© ...**На Рождество Христово, с молебна, народ разошелся по избам, где в печи уже дымилась картошка, набухала каша, и румянился хлеб. Молодежь, наскоро отобедав с родителями, высыпала на улицу:**

– Айда, на канаву с горки катать! Нынча погода благодать. Вона, какой снег пухлявый!

Да не только молодежь потянулась на канаву у замерзшего пруда. Тягловые тоже не прочь вспомнить прошлые времена. Анисим Данилович потворствовал народному стремлению. Велел поставить пузатый самовар с вензелем Баташовых, отпустил почти пуд бе-

лой муки, приказал поставить столы прямо на пруд: «А, почему бы и нет? Заслужил народ нынче похвалы. Вона рига полна овса и льняного семени! Копна на копне радуется глаз. Пусть попрыгают, повеселятся. Может, и меня добрым словом помянут?». В этот раз решили пригласить бреевских, в складчину. Канавка с пригорком как раз между Шепелевым и Бреевым, аккуратно возле запруды. Небольшая дубрава не дает ветру разгуляться. Одним словом, сам бог велел в этом месте душу тешить всякими забавами.

– Ванька? Тыя чаго копошиси? – в окошко застучал приятель Егор, – Санцы тащы, у моёх полоз треснул, удвоих не выдержитъ.

– Сщас! Погодь я валенки отышу. А мои санцы не подойдут. Я давеча полосу железную на клёпы поставил, можа одежду подрать. А можа и кому уши содрать. Бяри своя, выдержатъ.

На пруду уже писк, визг, как в том закутке, когда петух хозяйничает. Тягловые молодки уже самовары сапогами раздувают, столы угощеньями украшают.

– Иван-чай! Иван-чай! Подходи народ греца!

– Пыраги! Пыраги! Тутоти с морквой. Тамоди с брусникай, черникай, яжавикай. Пыраги! Налетай народ честной. Будя без дела туды-сюды, шастать.

Народ не торопится пироги разбирать. Со стола только, отдышаться надо. С горки покататься. Дев-

кам – парней раззадорить. Парням – девок пошупать. Ванька с Егором уже третий раз с горки скатываются. Хорошо! Санки, аж до середины пруда бегут.

– Эх, давай – ко, Егор ишо разок скатимси и чай с блянами побегим пробавать. Я, кажись бляны с припёком приметил, с грибами. Да и бои скоро, нада отдышаться.

Когда санки уже выкатывали на лед, случилось, то чего Егор боялся: послышался треск, деревянные полозья под парнями разъехались и, Иван кувырком откатился в одну сторону, а Егор в другую сторону, сгребая под собой кучи снега. Визг, хохот, улюканье и, через мгновение, на Ивана обрушился белый, мягкий комок в шушуне, осыпав глаза мокрым снегом. Когда Иван смог открыть глаза, то увидел на себе чудо дивное. Девичья, русая коса щекотала нос. Глаза, как береста на березе, выглядывают, с тревогой и любопытством, из под повойника. Снег стаивал с лица Ивана и скатывался по шее на спину под зипун, но Иван не чувствовал холода. Он просто утонул в этих удивленных, бездомных глазах.

– О боже! Цаплёнок с неба сваливси! – Иван посмотрел на голубое, с рядами белых облачков, небо, – Никак, тыя с путя сбилась? Вона, твоя подружки, по небу плывуть.

– Не сбилась я с путя. Это ты лежишь на моею пу-

тя.

– Ну, ты тожа ляжишь. Да я ничо, ляжи. Оно ляжмя теплей будять.

– Ишо, чавоть. Я стоймя не можу. У меня одёжа за твоя санцы причапилась.

– Катерина! Ты чаво на Ваньке рузвалилася? – девки окружили подружку, пытающуюся слезть с парня, – Аль, прилипла, чоли?

– Отчапится миня! Узади шушун за санцы зачепивси. Порву, мамка наругаеть.

Подружки осторожно отцепили край шубки от треснувшего полозка и подняли раскрасневшуюся, толи от холода, толи от смущения, Катерину.

– Значит, Катенька ко мне у гости прилетала? – Ванька вскочил на ноги, отряхнулся от снега и подошел к девушке, – Можа судьба нас ненарошно сцепила? Где ж такие цаплята водятси?

– А то не знаш! Бреевские мы. Вот пришли поглядеть, как ваши с нашими биться будуть. Энтот раз ваша взяла. Сёдня наша возмёть.

– Иван! Так нас, ужо ищуть. Бегим, пока от боя не отделили, – Егор тащил упирающегося Ивана прочь от девок. Он уже заметил, что Иван и Катерина не могут оторвать друг от друга глаз.

– Так, ты тож бьёся? Поглядаем, как наши вас с горки – то спустять, – Катина подружка, Лизка, построи-

ла хитрые глазки, – Поглядаяем.

Кулачные соревнования особая забава крестьян. Ещё три года назад молодежь билась «стенка на стенку» с ломовскими и бреевскими парнями: «До первая крови». Повод всегда находился: то шепелевский парень уведет девку из Лома, то Бреевский засылает сватов в Шепелёво. Только местные парни и девчата задружат, как глядь, а девка уже ходит в понёве на одиннадцать яргов. Барин про то узнал, собрал у себя в усадьбе соседних помещиков: ломовского Мамадова и бреевского Мамонова и они порешили: кто драку затеет, того судом застрачат. С той поры, чтобы охолодить молодую, кипящую кровь, решили проводить по большим праздникам кулачные бои. И, чтобы шепелевские, ломовские и бреевские на равных бились, по правилам: ногами и ниже пояса не бить, кожаные рукавицы не снимать, лежачего не бить. Победит тот, кто собьёт с ног соперника. Упал на колени – не считается. Коснулся головой земли – тот и победил. Анисим Данилович удивил. Обменял льняное масло на упряжь у касимовских татар, и выставил, как первый приз победителю. Когда упряжь повесили на березу, то мужики ахнули! Блестящие клёпы по всей гуже! На уздечке колокольчик с мягким звоном! Только в Поповке колокольцы так звенят! Даже на свадьбах такого не видывали. В этот раз каждое село выста-

вило по два бойца. От шепелевских выставили Ивана Мусата и Яфима Темного. Егор, закрепляя Ваньке рукавицу, чтобы не слетела с руки, сокрушался:

– В этот раз в наскок не выйдешь. Смотри, каких бугаев выставили? Ты это не гони, беряги силы то.

– Не глупай, вижу. Ты, давай, крепча крепляй, разберемси.

После первого боя, Иван отыскал глазами Катерину в кругу «болеющих». Катерина подпрыгивала и хлопала в ладоши: «Радуетси, верно за меня болеет». Когда объявили последний бой на победителя, Егор, с досады бросил картуз оземь:

– Ёшь табя не скрывать! Опять Яфим против табя. Я видал каки у Яфима руки то, длиннющи, как веревки. По тому, как он с лошадьми управляетси, силов хватаеть. Ты, это, близко не подходи, пушай силы истратить. А ты, крутись, можа яго длинные ноги то и закрутяться. Тогда твой час по нему бить.

– Разберемси, – буркнул Иван и вступил в круг.

– Яфим! Наваляй ентому шкету! – доносилось справа.

– Иван! Переломи энту жердю! – доносилось справа.

– Тихо! Начали! – успокоил всех судья и отскочил на край круга.

Под улюлюканье толпы Иван с Яфимом закружи-

лись в танце, выбрасывая ногами буруны сверкающего на морозе снега. Иван внимательно поглядывал снизу вверх на Яфима, а Яфим глядел сверху вниз на Ивана, выискивая момент для удара. И такой момент наступил. Иван неожиданно наступил, то ли на льдинку, то ли на скользкий бугорок и, пошатнувшись. Пытаясь сохранить равновесие, Иван раздвинул руки в стороны и выпрямился, на миг, потеряв Яфима из виду. В глазах сначала закружились звездочки, а затем потемнело. «Пропустил!». Иван пошатнулся и упал на колени.

– Добей! Добей! – всполохнулись дружки Яфима, – Пущай ишо понюхает кулак то.

Судья подскочил к бойцам, раскинул руки в стороны, давая Ивану отдышаться. Яфим выгнув грудь вперед, горделиво пробежался по кругу, поглядывая на сверкающую упряжь. Затем, подошел к Ивану со спины и склонился над ним вопросительным знаком:

– Это тебе за прошлый раз, а сейчас будет за Екатерину. Думаеш не видал я, как тыя с нея на горке кавыркали? – вполголоса прошипел в ухо, – Неужель не знал, что она моя невеста? Сейчас узнаеш. Бойси!

Иван, бросил взгляд на Катерину, на её прижатые к щекам ладошки, на испуганные глаза. «Ну, уж не будет таво! Сам бойси». Иван встряхнулся, вскочил

на ноги и выставил руки вперед.

– Ванька! Ноги! – Егор забежит то право, то влево от судьи.

Иван тоже подумал про ноги: «А ведь ноги у Яфима слабое место! С лошадьми управляясь, Яфим руки то укрепил, а про ноги не знает! Да и откуда силы в ногах будут, ежели цельный день Яфим сидья на лошади? Ну, Егор, ну молодца!».

Судья взмахнул руками и отбежал в сторону. Бойцы снова закружились в танце. Иван заметил, что Яфим торопится, оставляя одну ногу висеть в воздухе. Наконец, Яфим не выдержав, выбросил руку вперед, надеясь нанести последний, победный удар. Иван уклонился, пригнулся, и резко выпрямился, как стрела освобождается от туги натянутого лука. Обе руки, прижавшись, друг к другу, понеслись к Яфимовой груди. С замиранием сердца мужики смотрели, как Ефим, сначала переломился, затем приподнялся в воздухе, как копка сена под крепким навильником, и, грохнувшись всем телом на утрамбованный снег. Судья подбежал, к хрипящему, лежащему навзничь Яфиму, потрепал его по щеке. И, уже через мгновение, вскинул руки кверху, возвещая о конце поединка. Иван, по восторженному взгляду Катеньки, понял, что болела она только за него. Таким счастливым Иван себя еще никогда не чувствовал! Второй раз подряд он в чест-

ном бою побил самого Яфима Темного. Того, которого опасались в деревне. Того, о ком поговаривали, что он по ночам разбойничает с дружками в лесу. Того, кто против воли хочет отнять у него Катеньку! «Сам бойси!» – прошептал про себя Иван, – Не будет таво!». Когда, заслуженная победная упряжь, уже свисала с плеча, Иван подошел к Катерине:

– Катенька, можа свидямси? – Иван, взглянув на смущенное лицо девушки, понял, что она согласна, но какая – то тайна, удерживает её от немедленного ответа, – Меня батенька скори в Ташенку посылаеть. Можа выйдешь?

– Не выйдеть, – подружка Лизавета, взглядом указала на поневу, выглядывающую из-под Катенькиного шушуна, – Ты мне знак дай, а я ея вразе передам.

Катерина благодарно посмотрела на подругу. По сверкающим глазам Иван понял, что Катенька будет ждть встречи...

∞...Вера Сергеевна внимательно всматривалась в расплывающиеся строчки, пытаясь увидеть, среди простых фраз и непонятных пометок по краям обгоревшей тетради, события тех далеких дней. О чем говорила, например, фраза: «Давеча хозяин грозил тятеньку извясти, ежели я запротивлюся...»? О ком это он? О себе или со слов деда Ивана? Ой, как интересно!...»

© ...Ванька возился у наковальни, когда Агрипина, дворовая девка, позвала его в барский дом.

– Ваня! Там тебя Анисим Данилович просить. Бяги, а то он сердчат.

Иван отложил молоток в сторону, протер руки об запон и, неспеша, пошел в дом. «Чаго ему нада? Никогда не звал в дом, а тут бяги». Агрипина провела Ивана через длинный коридор в светлую комнату. Анисим Данилович, в полосатом, шелковом халате, сидел за длинным столом и наливал из пузатого хрустального штофа красную наливку. Иван обратил внимание на множество картин, теснящихся по стенам. На резном комоде стоял, сверкающий в лучах заходящего солнца, самовар, а вокруг, будто в хороводе, кружились вазы, чашки, стопки. «Из бронзы! – отметил про себя Ваня, – Как есть из бронзы».

– Проходи, Иван, садись, – Анисим Данилович, налил Ивану из штофа наливки и придвинул к нему тарелочку с кусочками копченой утки, – Разговор у меня к тебе есть. Только внимательно выслушай, а потом будем думать.

– Я слушаю, Анисим Данилович, – Иван попытался сосредоточиться на халате управляющего, но смотрящие на него картины, отвлекали своими строгими взглядами незнакомых господ и пышными формами

полураздетых дам, – Я слушаю, Анисим Данилович.

– Ты помнишь, что повелел мне хозяин наш, Эммануил Иванович? Чтобы я к твоему отъезду в Гусь подобрал хорошую невесту. Чай, не забыл? Я тут искал у своих знакомцев, помещиков. То слишком молоды, то слишком стары. А, которые достойны; или сосватаны, или уже повенчаны. Что я буду хозяину докладывать? И решили мы с Марьей Васильевной, хозяйкой моей, предложить тебе единственный вариант. На Ильин день пошлешь сватов в мой дом и попросишь руки моей единственной дочери Зинаиды. А осенью, на Покров, когда закончатся работы, сыграем свадьбу. Все расходы я беру на себя, не переживай.

Иван вздрогнул, как от холодных капель неожиданного дождя, и поежился: «Чаго он гуворить? А Катенька? Душа моя. Мне без нее никак нельзя. Я видел, она меня ждет. Какая, така Зинаида? Эта каланча в шляпе?» Иван представил себе, как они с Зинаидой идут по деревне и все хохочут вокруг: «Крепко сбитый боровичок и длинная, кривая поганка». Нет уж, лучше сбягу!

– Обвенчаем вас в Токареве, – Анисим Данилович мечтательно глядел в окно, прищуривая глаза, – А захотите, в сам Касимов отвезем. А что? Мы можем себе позволить! Потом поедете в Гусь – Железный, вить се-

бе гнездышко. Хозяин обещал! Там гляди, и мы с Марьей Васильевной к вам подадимся. Не прогоните?

«Так вот, что вы задумали, барин?» – Иван хотел тут же вскочить и бежать вон, подальше от этого самодовольного барина, но тело не слушалось, будто прилипло к кожаному стулу.

– Барин! Рано мне ишо о жанетьбе думать. Тятенька говорил, что сначала старших братьев оженить, а потом и моя очередь подойдет.

– Это мы враз уладим. Батенька твой не будет противиться такому предложению. Успеют, твои братья, еще ожениться. Хочешь, я с твоим батенькой поговорю?

– Нет! Я сам с ним поговорю. Не торопьте меня, я еще не готов. А что Зинаида?

– А что Зинаида? Она против воли отца не пойдет. Вот приведешь сватов, тогда и узнает. Пусть этот разговор между нами останется, а на Ильин день жду. С Зинаидой то будь поласковой, чай уже не чужая.

Две недели Иван не решался подойти к отцу. Да и братьям решил ничего не говорить, засмеют. Но на Пасху, после церкви, заметив, что отец в добром расположении духа, решился. По дороге из Лома отвел тятеньку в сторону и все рассказал, как на духу. Тятенька, молча выслушал Ивана, задумался и еще некоторое время шел, молча, будто споря с собой.

– Ну и думку ты мне принес, сына, – тятенька покачал головой, будто пытаясь сбросить с головы невидимый пух, – Ноги идтить не хотятъ, давай присядем вона на то бревнышко.

– Оно, конечно, жениться дело хорошее, – отец вытянул уставшие ноги, – Давно пора свая тягло заводить. Считай, второй десяток перешагнул. Анисим Данилович дурного не пожелаетъ. Опять же, породниться с барином всяк желаетъ, спору нет. Зинаида тебе не пара, ну чаго с таго? Дети пойдуть, усе затеретьси. Переберешьси в Гусь, на ноги поднимешьси, нам помага будетъ. Нет, дело хорошее.

– Тятя! Не мила мне Зинаида, чаго я с нею делать буду? Лучше сбягу, куды глаза глядятъ.

– Я тя сбягу! Хочешь позору на семью накличатъ? Не будетъ таго! Вот на Ильин день и пошлем сватов. Аль, что еще тебя держить?

– Держить, тятенька. Мне другая по сердцу люба. С ея я хошь куды пойду.

– Не Катерина ли с соседней деревни таби приглянуласи? Думаешь, люди не докладываютъ? Яфим Темный давеча мне говорил, что есля Ванька от моей невесты не отстанеть, то никому счастья не будетъ. Не поверил я яму, а оно вот как обертаетьси.

– Яфим через силу Катеньку невестой назвал. Нет у ея к нему воли. Ихням сватам никто обещания не да-

вал. Яфим от злобы воду мутить. Мне тоже, давеча, робята сказывали, как Яфим Зинаиду, на лошади в лес катал. Вот и пусть еще раз сватаешься. Вот они, как есть, пара.

– Можа она и так. Но у хозяина своя задумка на уме. Ежели не по нему будеть, извядеть он нас. Кончитца наша воля, куды денемси?

– Барин волю не забереть, не те времена. Он, что ли ее давал? У няго свой барин есть. А наша воля на все времена. Ты сам говорил, что мы вольные. Ты никогда не сказывал, как нам воля досталаси. Может, сейчас скажешь?

– А почему бы не сказать. Лета сорок пять назад жил помещик. Дед наш у няго также кузнецом был. Как-то энтот помещик уехал по делам в Касимов, да и остался там на ночь. Хозяйка яго с двумя дятьми в усадьбе осталась. Дворовые в свою половину разошлись. Только дед задержался в кузне по какой-то надобности. Ужо звёзды ярко сверкали, когды он домой собралси. Вышел из кузни, глядь, а из барского окошка дым валить. Дед ударил по рельсу, а сам в окошко прыгнул. Только успел хозяйку и детей на воздух вынести, как вспыхнула комната, где хозяева спали. Народ, прибежал, начал воду несть, да заливать огонь. Еля-еля затушили. Когда, поутру, хозяин возвернулся, люди рассказали, как было дело. Помещик тут жа по-

грузил хозяйку и детей в коляску и уехал. Тут же приехал человек из Касимова, с портфелем и в шляпе. Допытывался, кто, где был в то время, когда пожар случился. Думал, подожгли усадьбу недобрые люди. Так и уехал. А через неделю вернулся помещик и с ним важный человек. Перед усадьбой собрали всех крепостных. Важный человек зачитал духовную грамоту, по которой дед, все его братья и дети на все времена объявлялись вольноотпущенными крестьянами с наделом в три десятины, лошадью и коровой. На поляне помещик накрыл богатый стол, поставил бочку пива и отменил на один день работу в поле. Вот какой у нас был помещик!

– Вот какой у нас был дед! А, кто поджег усадьбу?

– А никто. Дворовая девка забыла подпереть дверку у печки и ушла. Когда печка разгорелась, дрова выпали из печки и загорелись половицы. Хозяева уже спали.

– Но теперь помещика давно нету. И деда уже нету. Чаво нам бояться?

– А, чаво люди скажут? Нет, сынок, видать судьба наша така. На Троицу будем направлять сватов. О братьях своих подумай. Тярпи!...

∞...Борис позвонил Виталию Елохину:

– Слушай сват, есть идея. Как у вас со временем на вы-

ходной?

– Привет. На рыбалку приглашаешь? Я не против чехоньку подёргать.

– Нет, не на рыбалку. Есть предложение в Муром съездить. Утром туда, вечером обратно. На обратном пути к Яночке заедем в оздоровительный лагерь. Вы же тоже в Муроме никогда не были?

– Хорошо. С Любой посоветуюсь и перезвоню.

Через пять минут Виталий перезвонил:

– Едем! В шесть часов будьте готовы.

Катерина нажарила пирожков, Люба нажарила котлеток, намыла огурчиков с огорода и, в назначенное время, машина уже мчалась по Окскому мосту, оставляя позади, сверкающие в лучах восходящего солнца, золотые купола Рязанского кремля.

Шумашь приветливо глядела с холма, Поляны пожелали счастливого пути и вот она, Солотча, распахнула, среди стройных сосен, ворота своего «Царства».

– Въезжаем в южные ворота Мещерского края, – Борис восторженно кивал головой то направо, то налево. Аккуратные домики с резными крылечками и цветными витражами окон сменяли друг друга.

– Смотрите, церковь с красивыми, «грибными» куполами, – Катя не отрывала глаз от окон.

Солотчинский Рождества Богородицы монастырь

– Это Солотчинский Рождества Богородицы монастырь. Между прочим, монастырь основан в 1390 году великим князем Олегом Ивановичем. Здесь же он и похоронен.

– А ты знаешь, что в Революцию в монастыре находилась колония для малолетних преступников? – Виталий внес «свой вклад» в историю Солотчи.

– И еще здесь жили и работали знаменитые люди: Паустовский, Вересаев, Гайдар, Фадеев, Симонов.

– И Солженицын, и Шаламов, и еще многие знаменитости, – добавил Виталий.

– Ну, Борис, ты прямо, ходячая энциклопедия, – Любаша

подмигнула свахе.

– Не ходячая, а передвижная! – уточнила Катерина.

– Если ты, Борис все знаешь – будешь нашим экскурсоводом по Мещерскому краю. Вон, смотри: указатель «Ласково». Что скажешь?

Борис действительно хорошо подготовился. Изучил карты, покопался в интернете, посмотрел кое-какую литературу по истории Рязанского края.

– Название деревни произошло от озера Ласковое. Кстати, очень красивое озеро. В этом селе, по преданиям, жила Февронья, жена муромского князя Давида Юрьевича. В селе есть часовня в честь святых Петра и Февроньи, которые упоминаются в древней повести: «О Петре и Февроньи Муромских». Это в их честь учреждён праздник: «День семьи, любви и верности».

Петр и Февронья Муромские

– Они здесь, что ли похоронены?

– Нет. Они похоронены в Муроме. Нужно уточнить в Муроме. Я думаю, что это красивая легенда.

– Легенда, конечно, красивая, но реальность не очень. Кто эту дорогу прокладывал? – Виталик крутил рулем, то направо, то налево, от чего пассажиров стало бросать, то в одну сторону, то в другую.

– Сбавь скорость! Скоро голова оторвется, – Люба ухватила за поручень и запела:

Вовсе не страшны ни зной, ни слякоть

Резкий поворот и косогор.

Чтобы не пришлось любимой плакать

Крепче за баранку держись шофёр

– Прорвемся! Не дадим лесной нечисти над нами смеяться. Смотрите, какая чащоба, между деревьями человек не пролезет!

– Интересно, как здесь люди жили? А ведь жили же! – сама себе утвердительно кивнула Любаша, – Как правильно говорить: мещеряки или мещеряне? Ну-ка, Боря, просвети.

– Мещера. Был такой лесной народ. Если хотите, расскажу, что знаю.

– Давай. Дорога долгая. Да и время быстрее пойдет.

Борис только вчера закончил собирать информацию: о Мещёрском крае, об истории народов, живших в этих краях.

– Только не перебивайте меня, а то я запутаюсь, – Борис собрался с духом.

– Последние археологические раскопки говорят о том, что более четырех тысяч лет назад в этих краях уже жили люди. После окончания ледникового периода, когда ушла вода, и поднялись леса, стали в эти места возвращаться коренные племена: всяя, меря, мурома, мещера, С северо-запада начали мигрировать и оседать по Оке финно-угорские племена: эрзя и шокша. Набегами тревожила чудь. С юга, гонимые

кипчаками – степняками, поднимались племена: мокша, мишари, бесермене. Появились в этих местах и, отколовшиеся от половецких племен, черемисы. Вот эти племена и составили основное население лесного края, который сегодня мы называем: Мещера.

– Мишари и мещера разве это не одно и то же?

Мерянка

– Непростой вопрос. В 5—7 веке на территории западной части Хазарского каганата жили кочевые племена – буртасы и авары. Это сегодняшняя территория Западного Казахстана. Со временем буртасы переселились с берегов Урала в среднее и нижнее течение Волги. Авары, теснимые тюрками, пересекли Волгу и заняли Северный Кавказ, объединив-

шись с местными аланами, уставшими от давления Византии. Византия, опасаясь укрепления этих племен, заключает с ними союзный договор и убеждает начать поход против южных скловен (славян), которые занимали часть Балканского полуострова и антов, живших у Черного моря, на Украине и в междуречье Днепра и Днестра. За три года войны были поработены все южные скловены: болгары, сербы, хорваты, македонцы и часть восточных скловен: русины. Создается новое государство: Аварский каганат, который просуществовал около четырёхсот двадцати лет. К этому времени северные славяне: вены, часть западных славян, объединившись с германцами и франками, путем кровопролитных войн, положили конец Аварскому каганату. Территория каганата была поделена. Между германцами и Великой Булгарией. Остатки племени аваров слились с венграми. Часть аваров, ранее не желавших воевать, вернулась на северный Кавказ и в степи, прилегающие к Каспийскому морю и Черному морям (в древнерусских источниках Хвалынское и Скифское моря), где свои порядки уже наводила Великая Булгария. Авары вынуждены были подняться по Волге и объединиться с бургасами.

В 760-м году на Волге появился кочевой народ: Кутригуры, под предводительством Котрага. Они называли себя «серебряными болгарами» и прародителями Великой Булгарии. Так была образована Волжская Булгария, в дальнейшем Казанское ханство, а сегодня республика Татарстан.

– А причем здесь мишари?

– Не путайте меня! Я сейчас объясню. Когда авары господствовали в Европе, одними из их ярых врагов были кутригуры. Сосуществовать вместе они не могли, так как кутригуры обращали авар в мусульманство. Авары вынуждены были переселиться в бассейн рек: Суры, Цны и Мокши, смешавшись с племенами мокшан (мордва). Часть аваров, спасаясь от набегов кипчаков, степняков и тюрков заселилась в глухие леса среднего Поочья, ассимилировавшись с коренными обитателями этих мест: муромой, мещерой и эрзёй.

– А причем здесь мишари?

– Вот теперь о главном. В далекие времена: от Каспия и Урала до Тихого океана; от Великой Китайской стены до Северных морей простиралась малозаселенная территория, по которой кочевали маньчжурские, скифские, могольские племена. В китайских летописях (1173 год) эта территория называлась Тар-тар. В Греческих летописях, как страна Тартария («жили народы, несущие ужасы и конец света, враги Христианства»). В 1221 году грузинская царица Русутана, в письме Папе Римскому, назвала орды, напавшие на Грузию: – монголо-тартарами. На Руси (со времен Ивана Грозного) племена из «Дикого поля» называли татарами. В период Золотой Орды на землях, где проживали мещера, эрзя, мокша и татары (Авары, камыки) был образован Мещерский юрт и улус Мохши. После распада Золотой орды на этих землях образовалось несколько княжеств; Тем-

никовское, Наровчатовское, Кадомское, которые отказались войти в состав Казанского ханства. Позднее перешли в русское подданство. Славянская культура окончательно вошла в жизнь, быт, духовность этих народов, создала условия для обращения их в христианскую веру.

Мордва (Эрзя и мокша)

В середине двенадцатого века, когда образовалось Муромо-Рязанское княжество, татары-мишари называли себя: «мы мещеряки». Подвожу итог: народ мещера – это смешанная этноэтическая группа лесных обитателей. И образовалась она за счет «отатаривания» части племен меря, эрзя,

вся, мурома и «обрусения» части кочевых народов (мокша, авары, буртасы, кипчаки), переселившихся из Тартарии.

Татары-мишари

– А я читал, что мишари это маджары, короче венгры.

– Есть такая гипотеза. В ней есть логика. Славяне, заселяющие эти края, вполне могли прийти с аварами, ставшими маджарами, в составе первого славянского государства Само.

– Что-то тебя заносит, Борис. Первое славянское государство было в Нижнем Новгороде.

– Да нет, я точно знаю, что славянские народы в седьмом веке подняли восстание против авар на территории Моравии (Чехия) и победили. А вождем был словян Само. По его име-

ни и назвали первое славянское государство. Правда, просуществовав тридцать шесть лет, оно распалось, но маджары (мадьяры) там точно были. Не исключено, что переселившись с другими славянскими племенами, они закрепились в здешних лесах, дав название краю, как «Мещерском край».

Рязанские куршанки

Десять минут в салоне машины стояла тишина. Устав, от «лекции» Бориса, женщины смотрели, как бегут мимо стройные, тесно прижавшиеся друг к другу, сосны. Виталий, тоже молчал, продолжая ругать дорожников за кривую дорогу: «Только кривичи могли так провести дорогу через леса. Или лютичи»

– Смотрите! Криуша! – Виталий притормозил машину, –

Пожары 2010 года помните?

По обеим сторонам дороги стоял черный лес. Среди поля, как одинокий памятник, выглядывает печная, черная труба. Такое ощущение, что здесь недавно прошла война.

Криуша. Пожар 2010 года

– Сгорело 54 дома, школа, почта, – Виталий склонил голову. Он знал, что такое война. Раны, полученные в афганской войне, до сих пор, помнили её обжигающее дыхание, – Не скоро ещё здесь поднимется новый лес. А вот люди выжили. Когда, после пожара, жители попросили помощь в восстановлении домов, губернатор Ковалев категорически сказал: «Нет!». «Будем строить новое село». Строительство взял под контроль председатель правительства РФ Владимир Владимирович Путин.

Председатель Правительства РФ Владимир Владимирович Путин в Криуше

Смотрите, что получили погорельцы.

Новые дома в Криуше

Вдоль дороги, по обеим сторонам широкой улицы, стояли аккуратные коттеджи с черепичными, красивыми крышами.

– И школу новую отстроили. И почту. Скоро заработает церковь. Веками жил здесь мещерский люд, будет жить еще много веков.

– Название какое-то непонятное – Криуша.

– Раньше была Кривуша, – Борис продолжил свою роль экскурсовода, – Здесь, за селом, от церкви шла «церковная канава», как её называли местные жители. А до этого в болото бежала «Кривая речка». Вот и назвали вставшую рядом деревню «Кривушей». Потом одна буква затерялась среди топких болот. А на самом деле, проезжавшие здесь купцы кричали: «Кака деревня – то?». А из деревенских окон, отвечали: «Крии-ву-ша-а», но долетало только: «Крии-уу-ша». Так и записывали в своих дневниках проезжие купцы.

– Да, места здесь гиблые. Я бы не смогла здесь жить.

– Я бы не сказал, что гиблые. В пяти километрах отсюда, в глубине леса, находится жемчужина Мещерского края – озеро Великое, с живописными берегами и богатое рыбой. Нужно найти время и посетить это древнее озеро. Говорят, там лещи сами в садок лезут.

Озеро Великое

Едем дальше. И снова дорога лентой закрутилась среди непроходимых лесов.

– А, правда, как здесь люди выживали? – Катерина опасно глядела по сторонам, – Лес, да топь. Зверья разного, наверно, полно.

– Вот как раз наоборот, – Борис захрустел пахучими огурчиками, – Я уже говорил, что эти края всегда привлекали желающих поживиться. С юга сарматы, тюрки, кипчаки, золото-ордынцы (монголо-татары) грабили деревни у леса, увозили девушек в полон, для пополнения восточных гаремов. С востока хазары, болгары, анты. Позже казанские татары прилетали за своей добычей. С севера венеды (вагры, ободриды, русь, варяги-викинги), балты, чудь разная рассчитывала на свою часть добычи. С запада лютичи, кривичи, вятичи опустошали все, что находилось между лесами. Вот местные племена и уходили вглубь лесов, по тропам, только им

ведомым. На опушках строили дома из «стоячего леса». Лес давал пищу, мед. А, в тихие годы, опять между лесов вырастали деревни, колосились поля, пока не объявлялись очередные варяги, или степняки.

– Получается, что мешчерский край всем был нужен?

– Да нет. Просто в разное время эту территорию захватывали разные племена: грабили, устанавливали дань и уходили. А вот в дремучие леса зайти никто не решался. Лошадь по болотам не пройдет, повозка с оружием и добычей не проедет. Да и что взять в глуши? Лапти, да бочку грибов или меда.

– А почему сейчас их нет? Ни мерян, ни муромы, ни мешчеры. Даже про эрзян и мокшан ничего не слышно. Мордва и мордва.

– Да очень просто. После оттеснения славянами сарматов, хазар и других южан, эти земли на долгие века заняли славянские племена, которые принесли с собой свою культуру, религию, быт и искусство. Местные племена просто растворились в них. Дольше всех продержались эрзя и мокша. По ошибке летописцев их объединили в один этнос и стали называть мордвой.

– А в чем разница?

– Разница в главном! В захоронениях. Эрзя хоронили умерших родных сидя и лицом на север, а мокша хоронили сидя и лицом на юг. Это надо понимать так, что лицом к своим предкам. Эрзя – потомки финно – угорских племен.

Значит с Севера. Мокша тоже потомки финно-угорских племен, но слившихся с кыпчакскими, а может быть и скифскими племенами. Значит с Юга. С 9-го века их уже обозначают, как славянский народ, в составе древней Руси. И, конечно, благодаря объединяющему правлению великого князя Рюрика, который не только примирил враждующие племена, но и создал новое государство – Киевскую Русь.

– Это, который из викингов? Мы кино «Викинг» смотрели. Про Владимира.

– Мы тоже с Катей документальный фильм по «Рен ТВ» смотрели. В нем немцы утверждают, что это они подарили нам правителя. Дания утверждает, что это их заслуга. Швеция не хочет уступать в первенстве. Наши ученые тоже расходятся в гипотезах.

– А ты, конечно, знаешь точно. Мещера подсказала?

– А то! Есть одна закономерность. В управлении народами, территориями, странами всегда был единый принцип – родовой. Власть всегда передавалось по наследству. Например: в Азии у Чингиз-хана было свыше тридцати пяти колен. В Европе власть передавалась от отца к сыну, от внука к правнуку и так далее. В Египте фараоны тоже не допускали чужаков к власти. У нас тоже все династии были родственные: Рюрики, Романовы. Когда союз финно-угорских племен решил призвать на княжение сильного правителя, то сомнений не было: нужно призвать своего. Который говорит на их языке, который имеет славянские корни. Больше

всего подходили потомки финнов и балтов, обрусевшие викинги – варяги, которые могли договориться и с кривичами, и с вятичами. Кстати, финны называли все племена, живущие у Белого моря и южнее, именем «русь», то есть русские. Так появился в «Новом граде Великом на Ильмене», последователь скловен из рода «Русь», обрусевший викинг-варяг Рюрик из Скандинавии, ставший основателем древнерусского государства.

– Значит, немцы «пролетели» со своими гипотезами?

– Другого варианта и быть не могло. Склавини (славяне) никогда не смешивались с германцами и франками, которые жили по соседству. Разная культура, разный язык. В греческих источниках склавин называли «людьми, говорящими по-нашему», а племена германцев «людьми, не говорящими по – нашему». То есть «не мы», «немые», «немцы». Даже, когда венеды заселяли восточные и северные территории Европы, контакты ограничивались только войнами. Так, что Рюрик, свой человек: «из наших». Иначе мы сегодня считали бы своим праздником «день святого Валентина», а не день «Ивана Купала»...

© ... «Иванов день» – день особый для деревенской молодежи. Каждый год он проходит по одному графику. На утренней службе поп долго говорит о неприятии церковью «бесовских игрищ», пугает страшной карой божьей несмышленных девиц и недорослей. По-

сле обедни поп заезжает к Анисиму Даниловичу и просит недопустить «бесовщины» у леса. Анисим Данилович, как всегда, внимательно выслушает батюшку, кивая головой, и скажет: «Не одобряю я эти забавы. Своим детям запрещаю ходить на кострища. Кто постарше уже не ходят прыгать да скакать, нечисть всякую пугать. Но с палкой по лесам бегать не буду за каждой девицей. Есть у них родители, они за них ответ перед богом держат». На этом все у них и кончается. Но у молодых только начинается! Еще вчера были натоплены горячие бани, заготовлены лечебные травы. Барвинок и базилик, плакун-трава и зверобой, папоротник и ежевика, ветки дуба, берёзы и сосны. Одна трава для тела, другая трава для головы (венка), а третья против чертей и ведьм. Корень плакун-травы, выкопанный накануне и брошенный в чан с водой, испугал колдунов и ведьм, а бесы лесные и болотные разбежались в глухие места. Чистотел надежно защитил душу и тело от чар всякой нечисти. Теперь можно и повеселиться! С раннего утра на Ивана Купала в избах переполох. Девки плетут венки, а бабушки им мешают своими древними советами: «Дык, хто ж так плетёт! Барвинок спередя должен быть, а марьянка у боку! Позадя пучок плакун-травы причапи! Аль кака видьма, аль русалка причапитси? Эх, молодежь! Учи вас, неуменных». Венки, сплетенные в Иванов день,

чудодейственные. Нужно сплести три венка. Один для головы и плясок. Другой для воды и молока (Считается, что вода и молоко, пролитая через венок, обладают лечебными свойствами), а третий для отпугивания нечисти от дома в «страшную» ночь (Считается, что в ночь на Ивана Купала нечисть бежит из лесу и воды к домам, ища спасения во дворах). К вечеру на всех тынах, или над дверьми, обязательно вешается венок, который поутру бросается в печь или костер. После службы парни шли на пруд собирать хворост для костра, косили траву на берегу, расчищали место для купания. Девки открывали сундуки и доставали праздничный наряд: белые и синие рубахи, сарафаны из синей пестрядины, с густыми складками позади, ситцевые фартуки с оборкой и рядами узких полосок из разноцветных ситцев. Кто беднее, надевают поневу (понитковую юбку) с разноцветными полосками по низу. На голову надевают ленту с бисерной сеткой – «подвязочкой», спускающейся на лоб. Иные надевают на голову повойник или кичку, которые прикрывают красным платком или косыночкой. На ноги натягивают легкие онучи. Лапти, плетенные в лык, довершают праздничную одежду. Парням наряжаться некогда. Белая или красная рубаха и портки – вот и весь наряд. Да лапти, чтобы ноги не наколоть.

Иван в этот день на службу не пошел. Гудели ноги,

дрожали мышцы на руках. Вчера Анисим Данилович загрузил работой на два дня: «Тридцать кос для косарей и пятьдесят скрепов для лесорубов к завтрашнему вечеру должно быть!». Иван еще подумал: «Чаво энто с ним? Задумал меня на праздник не пущать? Аль, што б я от ево Зинаиды не сбег? Ну, уж нет! Я братьев позову, сёдня к ночи управимси». И управились! Только ноги болят и руками не повернуть. Уже солнце в окно полуденным жаром палит, а Иван с лавки подняться не может: «А, есля, Катенька к костру придет? А, я тута валяюся! А, ежели Яфим Темный свою непотребу, не ко времени, у Катеньки требавать будет? Кто зацатить? Нада вставать!» Иван слез с лавки, подошел к кадке с холодной водой и, тотчас вылил целый ковш себе на голову: «У-ух. Добро!» и, пошел одеваться.

– Маменька! Чаво мне одеть-то на кострище?

– Како кострище? На соби погляди. Вчора еле до лавки дополз. Не ровен час в костер свалиси. Отлежись на лавке-то. Што Анисим Данилович скажет? Или ты Зинаиду с собою бярёшь?

– Ишо чаво. Мне та Зинаида совсем не нужна. Народ смешить! Вон та белая рубаха подойдет?

– Вот глупой! Всё поперек, да поперек. Красную рубаху надень, да шаровары плисовые, шо дядька из Мурома передал. И сапоги кожаные надень. Пущай

знають, што мы не лыком шиты.

– Можа и глупой, да пятухом перод робятами не хочу. Надену белую рубаху, портки, да лапти. Да картуз широкий. Вона нынче солнце как палить, пряма качается, как на качелях.

Когда Иван пришел на пруд, народ уже всю ве селился. Дети и подростки, что посмелее, купались в пруду, парни постарше складывали хворост в стопки «на подклад», а девушки на полянке пели купальные песни:

*Хожу я по улице, не нахожуся Ой, не нахожуся
Гляжу я на милого, не нагляжуся Ой, не нагляжуся*

*Брови мои, брови Брови мои чёрные
Не давали брови на улицу выйти Не давали, не давали*

*друга увидали Пошёл, пошёл миленький, а вдоль
по селу Ой, а вдоль по селу
А в крайнем-то дворике девка хороша Ой, Катюша-
душа*

*Брови мои, брови Брови мои чёрные Не давали брови
на улицу выйти
Не давали, не давали, друга увидали Брови мои, брови
Брови мои чёрные...*

Одну песню петь закончили, другую начинают:

*На велик день идетъ, а мне нечего надеть
Одна сермяжка. И та тяжка
На велик день идетъ, а мне нечего надеть
Одна плёлъка. И та по пуп только*

*Полно горе горевати, пойдём по улице гуляти
Пойдём по улице гуляти, там будут скрипки-
волынки
На велик день идетъ, а мне нечего надеть
Лапти да боры. Все мои приборы*

*Полно горе горевати, пойдём по улице гуляти
Пойдём по улице гуляти, там будут скрипки-
волынки
Там будут скрипки-волынки. Молодые скоморохи
Молодые скоморохи, там будет Дарья и Марья...*

Ребята срубили молодую березку и вкопали её посреди поляны. Девушки, с криками «Краси купайлу!», стали вешать на неё разноцветные полоски, шишки и всякую мелочь. Дети помладше затеяли игру в «Коршун»:

- Скажи коршун, что ты здесь делаешь?
- Ямку копаю, денежку ищу
- А зачем тебе денюжка?

- Мешок камушек куплю
- А зачем тебе камушки?
- Цыплят отгонять, чтобы через мой забор не прыгали
- А забор то высок?
- А вот я и проверю, – «Коршун» побежал «цыплят» ловить. Но не тут-то было! Цыплят насадка стережет, ловить коршуну не дает!

Подростки постарше разделились на две команды «два дома» и норовят чужой дом занять. Да есть меж ними «Сторож». Зорко следит, чтобы порядок был. Да не дают «Горелки» ему покоя, сторожа отвлекают:

*Гори, гори ясно
Чтобы не погасло
Глянь на небо
Птички летят
Колокольчики звенят
Раз, два, три – беги!!!*

Пока «сторож» в небо глядел, побежали «захватчики», чужой дом занимать, только пятки сверкают. Кого сторож догнал, тот вон из игры...

...Иван не сразу увидел в кругу девушек Катеньку. Будто жемчугом рассыпало по полянке у берез деви-

чьи фигурки. Будто белыми и красными цветами осыпало траву. Как только солнышко коснулось верхушек темнеющего леса, раздался радостный клич:

– Айда костер палить! Айда ведьмов пугать! Айда хороводы водить!

Ребята потеряли дерево, раздули дымок у края и, вот он, чистый огонь пошел гулять по сухому хворосту, радостно выбрасывая в небо фонтаны трескающихся искорок.

Иван отыскал среди щебечущих девушек Катеньку и Лизавету и стал подле них, любуясь отблесками огня на их, замороженных кострищем, лицах.

– Ты почему, Ваня, без Егора? Али заболел чего? – у Лизаветы зардел румянец

– Так, вона, у пруда копошиться. Егор! Подь сюды!

– Бягу! Я тама русалок с робятами выглядал, а они вона у костра уже стоять, Егор бросил палку в костер и подошел к друзьям.

– Чудной! – Лизавета бережно стряхнула с рубахи Егора «цеплячую» веточку, – Кто ж на свету русалок выглядит? Они ждуть, когда закат потухнет. Тогда и утащат. Дай я тебя за руку даржать буду, што б не утащыла кака девка с хвостом.

А на другой стороне костра бреевские девчата уже начали задирать шепелевских ребят острыми частуш-

ками – задержками:

*Собралися в лес грибов да собирати
Митька, Жорка да Кузьма, все брати
Покуда грибы збирали, лося напугали
Лось от страху в лес утёк
Не собрать таперь порток*

**Шепелевские девочки тоже не «лыком шиты», по-
советались, похихикали и выдали:**

*Тимофеем по воду шел, торопилси
На Ульяну на красу, загляделси
Так глядел, так горемышной торопилси
Што в колодезь, как мяшок, провалилси*

**Тимофей надвинул картуз на глаза и спрятался
за спины ребят, но те опять вытолкнули его наперед,
и давай смеяться. Но девок не проймешь. Им палец
в рот не клади – откусят:**

*Яфим в ригелях шибко озорничал
Девкам юбки у сех подряд задирали
Бабы тожя ой, я ёй, пошутили
Цепами яво ох-хо-хо, отходили.*

**Березки задрожали от хохота. «Так яму и надо,
охальнику».**

– А, где жа он, Яфим то? – зря глядели парни по сторонам. Нет Яфима.

– Как энто Яфим за тобою не поглядает? – шепотом спросил Иван, наклонясь над Катенькой.

– Вчора, со своими дружками, приходил у дом. Чудной весь от пива. Силой ташил на лошади в лес покатаги. Тятенька не дал. Яфим тятеньку больно толкал. Маменька людей позвала, она яво, с дружками, за сяло погнаги, – также тихо рассказала Катенька, – Наверное, дома сидить, отходить.

– Ну и пуся сидить, – у Ивана стало легко на душе: «Нагляжуся на Катеньку, никто не помешает».

Светлая полоска над лесом темнеет, огонь от костра светлеет, освещая лица загадочным светом. Детям пора домой бежать, родителей не гневить, портки от крапивы беречь. С нетерпением смотрят парни и девушки им вслед: «Бягите уж!». А сами уже «Зырк» по сторонам: «Где ж та, которую к сердцу прижму, сладко поцелую?». Да не просто это! На то и «Целовки», чтобы без обману.

– Кто будет «Целовки» водить? Стяпан, зачинай!

– Что Стяпан? Опять Стяпан! Мой уговор: через три «Целовки» другой пусть водить.

Молодежь быстро организовала два круга. Один внутри, из девушек, другой снаружи, из парней. Деву-

шек на одну больше, чем парней. Такой уговор, чтобы веселей. И пошли крутиться хороводы! Парни в одну сторону, девки в другую:

*На бярезе лист дрожить, ох дрожить!
Парень девку сторожить, сторожить*

*Ты, бяреза пощади, ой люли
От болота сбьяряги, ой люли*

*Тама леший так и ждёт, так и ждёт
Хвать! И девку уведёт, уведёт!!!*

Степан поднимает руку вверх и кричит: «Беряги!». Хороводы замирают. Кто оказался напротив, с криком «Сбьярягу!», бросаются друг к другу и крепко обнимаются. Только одна девушка остается без пары и, с завистью, наблюдает за счастливыми подружками. После робкого поцелуя девки возвращаются в круг, и хороводы продолжают свой, полный надежды, танец:

**У Ивана рученьки, ох крепки!
У Яфима ноженьки, ох быстры!**

*Ты, бяреза пощади, ой люли
От болота сбьяряги, ой люли
Тама леший так и ждёт, так и ждёт*

Хватя! И парня увядёт, увядёт!!!

– Беряги! Девки, беряги! – и Катенька оказывается в крепких объятиях Ивана.

Иван вспомнил удивленные глаза Катерины с заснеженными ресницами, когда она, на Рождество, неожиданно скатилась на него с горки. Теперь они были другие! Теплые, ласковые! И не скрывал больше шущун упругость крепкой девичьей груди. Горячий поцелуй влажных губ увлёл Ивана в круговорот, поднимающихся в звездное небо, кружащих от костра искр. Запах лесных трав укутал неизвестными ароматами, дразня просыпающееся молодое тело. Нет никого вокруг! Ни веселого визга девчат, ни треска разгорающегося костра. Только они вдвоём – Иван и Катенька.

– Давай уберём, – Иван боялся выпустить из рук вздрагивающее, как у пугливой голубицы, тело.

– Увидать, – Катенька ещё крепче прижалась к Ивану.

– Да, бягите, чаво уж, – Лизавета хитро улыбалась, – Я стану заместо Кати. А ты Степан, чаво стоишь? Заменяй Ивана, ты жа ужо не вадишь. И не шалите тама. Я твоей маменьки, чаво скажу?

– Не бойси. Я яе лешему не отдам. Папоротник паглядим, можа цвятёт ужо.

Пока хороводы возвращались на место, Ивана и Катеньки след простыл. До лесу сто шагов по лугу. Даже запыхаться не успели и уже, вот он, скрипит, качается в разные стороны черными стволами, пугает болотными звуками.

– Тьмно! Как твой папоротник увидим то? – Иван пожалел, что не взял из костра головёшку.

– На, дяржи, – Катенька развязала небольшой узелок и достала оттуда свечку и пирожок, – То бабушка моя упросила взять. Смотри, вона папоротник выглядит. Зажигай!

– А зачем тебе, Катенька цвяток? Ты сама, как цвяток! Нет краше на всём свете!

– Бабушка сказала, ежели я сорву и принясу цвяток, то стану понимать язык всяких птиц и зверей, даже смогу говорить с коровой и лошадкой. Вот! А еще смогу клад увидеть под землей, с разными сокровищами.

– Ну, ежеля бабушка сказала, значит, будема ждати. Давай, сядем на пянек.

– Погодь. У табе ножик есть?

– Обижаешь. Ванька Мусат, да без ножа! – Иван приподнял рубаху и вытащил из кожаного чехла небольшой нож, – Зачем таби нож, цвяток так сорвём.

– Чудной! – Катенька очертила ножом круг вокруг пенька, – Таперя нечистая сила не пройдет сквозь

круг, а русалка не утащит тебя на болото. Ежели, кто звать будеть, не откликайся и не оборачивайся.

– А говорить то можна? – Иван спрятал нож под рубаху и сел к Катеньке на пенёк.

– Не можна, а нужна. Чтобы болотная нечисть не подходила и цвяток не утащила.

– Тогда я спрошу, – Иван прижал к себе озябшую от лесного, влажного воздуха девушку, – Вот скажи, почему ты сѣдня без поневы? Яфим чаво скажетъ?

– Бабушка сказала, что на Ивана Купалу паневу носить – нечистого дразнить. Давеча папенька Яфиму сказал, што есля он до свадьбы будет силой приставать, то свадьбы не будить. А ты почаму Ванечка спросил?

– Потому, что страдаю я по таби. И Яфима я не боюся. И табя яму не отдам!

– Не отдавай Ванечка! – Катенька еще крепче прижалась к Ивану, – За тобою хочь на самый край убягу. Маменька ругает Яфима, а папенька малчит. Гуворит, что люди осудять, ежеля, что не так пойдеть.

– Свадьбу уже порешали, когда играть будутъ?

– Отец Яфима говорить, что на Покрова нужно, а мой папенька говорит: «Паглядим, мы ящо не готовы». Не люб мне Яфим! Жаланый ты мне, Ванечка! Придумай чаво нибудь.

– Ты только не переживай, я обязательно придум-

маю чаво нибудь, – нежный девичий поцелуй остано-
вил слова Ивана.

– Иван! Катерина! Где вы спрятались? – за спиной
раздались голоса Лизаветы и Степана.

– Не отвечай! То леший нас окликает, – Катенька
сдвинула свой веночек в сторону Ивана, будто защищая
его от непрошенного, лесного гостя, – Сейчас цвяток
будет зацветать. Глянь, светлячки запрыгали.

– Вот, они, где запряталися, – из темноты выпрыг-
нули Степка с Лизой, размахивая суковатыми пал-
ками, – Катерина! Ты жа хотела через костер пры-
гать. Скори робята купайлу в костре будут жечь. Айда
быстрей. Полночь ужо позади осталася.

– Вот те на! – Иван посмотрел на блекнущие звёз-
ды, – А мы, тута цвяток папоротника выглядаем.
Опять леший вперед нас пробралси. Пойдем Катень-
ка, на следующий раз обязательно дождемси.

На поляне переполох. Ребята пытаются деревцо
«купайлы» из земли выдернуть, да в костер бросить,
а девки окружили дерево и не дают.

– Не дадим, пока все не сберутьси! Пока все венки
не повесюць! Пока все, через костер не пройдуць! А ну
каку ведьму пропустим? Будеть весь год немочь и пор-
чу наводить.

– Катенька! Пойдем и мы прыгнем, – Иван взял Ка-
теньку за руку и, не дожидаясь ответа, потащил упи-

рающуюся Катеньку к костру.

– Грех это, на людях, – Катя пыталась вырваться из рук Ивана, но оглядевшись, притихла, – Можя я сама?

– Потом, можя и сама. Глаза не закрывай. Пабязали! – Катенька, подхваченная сильной рукой Ивана, бабочкой взметнулась над пляшущими языками пламени и плавно опустилась у края костра. Толи от страха, толи от жара костра, по всему телу пробежали «мурашки», закружилась голова и, вдруг, стало легко и спокойно.

– Ну вот! Немочи и порча в болото убязала, а болезни в костре сгорели. А ты баяласи, трусиха, – Лизавета, схватила Степана за руку и потащила к костру на второй круг, – Подожди меня Катерина. Венки на «купайлу» вместе повесим. Даржи меня крепко Степан!

Вот и празднику конец. Конец всей нечистой силе. Впереди только счастье. Давно замечено, что на Ивана Купала к костру все бегут гурьбой, а уходят парами...

∞...Вдруг лес закончился. Стало светло. Дорога выпрямилась.

– Вот и всё. Впереди Спас-Клепики. Дальше Касимовский район, – Виталий прибавил скорость.

– Это здесь учился Сергей Есенин?

– Угадала, молодец. Четыре года в церковно-учительской школе.

– А чем ещё знамениты Спас-Клепики?

– Своим названием. «Клепика» – назывался нож для очистки рыбы. Вероятно, сюда свозили рыбу с соседних озер, в том числе и с озера «Великое». Рыбу обрабатывали, коптили, сушили и снабжали купцов для продажи в Касимове. Позднее, после открытия здесь церкви Преображения, село стало называться – Спасское. В начале двадцатого века старое название вернули, но с приставкой «Спас».

Село много раз меняло хозяев. Первым владельцем был московский купец первой гильдии Николай Панкратьевич Рюмин. В разное время хозяевами были князь Кильдашев (вероятно из Касимовских князей-авт).

Последним владельцем была подполковница Анна Петровна Полторацкая. Спас-Клепики славилось своей полотняной фабрикой, производством ваты и пакли. Хорошее село. Сейчас районный центр и город. Правда в его истории есть и мрачные страницы.

– Неужели пожар? – Люба никак не могла успокоиться от увиденного пожарища в Криуше.

– Бери выше. Крестьянское восстание.

– Ну-ка расскажи.

– В 1918 году, точнее 1 июля в Спас-Клепики, из Рязани, прибыли представители волостной чрезвычайной комиссии (ЧК), под председательством комиссара Корчагина, с целью сбора продовольствия и средств, якобы для армии. По городу пронесся слух, что прибывший отряд насильно отбирает у людей ценные вещи, украшения, последние продукты. Сотни крестьян и горожан сбежались к вокзалу, заблокировали пути и потребовали приехавших выйти из вагона. «Это самозванцы! Это бандиты! – Кричали одни. «Документы проверьте. Простых людей пограбили!» – Кричали другие. Комиссар Корчагин уговорил людей отвести его в местную милицию, чтобы там подтвердили их полномочия. Но, несмотря на то, что начальник местной милиции Тамашевский подтвердил их полномочия, разгоряченная толпа успокоиться уже не могла. В результате комиссар Корчагин и начальник милиции Тамашевский были растерзаны на месте. Вызванный из Рязани отряд навел порядок, а Корчагин и Тамашевский были с почестями похоронены на территории Рязанского кремля (в дальнейшем перезахоронены в братскую могилу).

– Да, непростой народ мещера. Гордый.

Виталий достал из багажника карту и вручил Борису

– Всё. Дальше я дороги не знаю. Впереди развилка. Куда поедем? Направо или налево?

– Так, поглядим. Если направо, то попадем в Гусь-Железный. Если налево, то попадем в Гусь-Хрустальный. Че-

рез Гусь-Хрустальный дорога короче. Поворачиваем налево и вперед до поворота на село Нечаевское. Вперед, и с музыкой!

*Были у бабуся
Два весёлых гуся*

*Один белый, другой серый
Два веселых гуся!*

Встречный ветер охлаждал лицо. Открытые холмы сменились дубовыми рощами с березовым орнаментом по краю. Пронеслась вывеска «Мещерский бор», затем слева «Мещерский национальный заповедник».

– Разве мы не проехали Мещеру? – в один голос закричали женщины.

– Мещеру завершают глухие Муромские леса. Как услышите свист «Соловья-разбойника» или кряхтение «Бабы-Яги», значит это Муромский лес, где до сих пор промышляют разбойники.

– Ой! Как страшно, – Любаша «изобразила» Бабу-Ягу, – Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто энто в наши края пожаловали? Кто, мой сон нарушили? Кто мои косточки патрявожили?

– Вот, вы смеётесь, а это правда, что баба-яга здесь обитает! В далекие, древние времена, когда в дремучие леса заходили чужие племена, они встречали в чаще или на неболь-

ших опушках причудливые избышки. Избушки стояли на, окуренных огнем, столбах. Вокруг избышек, на тыне (колях), сверкали черепа лошадей или крупных, лесных животных. Чужаки подошли к одной из них. Вход в избышку был сделан со стороны леса. В избышке лежала, изъеденная язвами, в рубахе без опояска, старуха. Из-под рубахи выглядывала костяная нога. Усыхающий тонкий нос глядел в потолок. Вокруг мертвой старухи громоздились человеческие кости и черепа. В ужасе чужаки бежали из леса с криком: «Иега – баба! Баба – ияга! Лесная ведьма!». Долго они ещё пугали своих детей, приписывая с каждым разом новые, жуткие подробности этой встречи. Даже сегодня татары пугают своих непослушных детей: «Вот сейчас бабай придет и тебя заберет, если не будешь слушаться». Бабай это, наверное, отец бабы-Яги.

– Может, вернёмся и поедем в следующий раз? На автобусе. Что-то у меня нога онемела. Давай остановимся, свежим воздухом подышим, – Катерина ухватила за плечо Бориса.

– Так, так! Нога говоришь, деревенеет? Свежего духа захотелось? Предки из муромских купцов говоришь? Ребята, мне кажется, у Катюши пальцы на руке тоже костенеют. Она, как уцапилась! Избушка, избышка, повернись ко мне передом, а к лесу задом.

– Дурачок! – Катерина раскраснелась от внимательных взглядов Виталика и Любаши.

– А вот предки здешние, дураками, точно не были. Лесные

поляны в глубине лесов, в пору половодий, заливались водой. Если запасы не сохранить, то не выживешь. Единственный выход – поднять амбар (житницу) повыше, чтобы сохранить семена и продукты в отдельном, холодном помещении. Такие амбары, до сих пор, встречаются в селах Сасовского района и Мордовии. На сухих землях перед домом устраивают полуземлянку и хранят там овощи, зерно и ценные вещи. А на болотах без столбов никак. Столбы, окуренные дымом, хорошо выдерживали сырость и не заражались древесными насекомыми. Отсюда «избушка на курьих ножках». Умерших людей в болоте тоже не захоронишь. И кострище устраивать опасно. Вот и строили в стороне отдельные избушки «избы смерти», чтобы потом, при возможности эти «гробы – домовины» сжечь, а прах захоронить.

Избушка – амбар

Гробы-домовины отличались от амбаров только тем, что дверь у амбара была обращена к деревне: «в мир живых», а «избы смерти» к лесу: «в мир мертвых». Частокол из черепов животных отпугивал диких зверей. Позднее славяне придали этому сакральному сооружению сказочную окраску. Отсюда и Баба-Яга – костяная нога, жарившая в печи гостей, и Кашей бессмертный, родственник по жизни и смерти, и Лягушка-царевна, под охраной лесной бабульки, ждущая своего принца.

На обочине дороги вдруг всё засияло, засверкало разноцветными огнями. Виталий затормозил, открыл дверцы.

Баба – Яга

Прямо напротив Катерины на неё глядела страшная Баба-яга. Баба-яга, ухватившись за метлу, пыталась оторвать ступу от земли и улететь в дремучий лес. Но другая Баба, помоложе, замахала руками:

– Здравствуйте люди добрые! Подходите, выбирайте. Отдам недорого. Есть медведи. Вот олень рогатый. Поставите в доме вместо вешалки.

– Самовары, сервизы, штофы, графины! – затараторила её соседка, – Хрусталь! Светильники, люстры, бра! Брать будете?

– Дорожный развал, – сделал вывод Виталий и подошел к мужчине, продающему сушеных лещей, – Почём вот этот, с добрыми глазами?

– Сто рублей. Но так, как ты ему понравился, отдам за восемьдесят. Только ему без пары будет скучно, бери два по семьдесят. Спасибо, добрый человек.

– Скажите. Гусь – Хрустальный далеко отсюда?

– Да вы приехали! Вот поворот и первые дома.

– А поворот на Нечаевское?

– Поворот на Нечаевское вы уже давно проехали, километров шесть будет. Сейчас вернетесь назад, за остановкой налево, ещё километр и ваше Нечаевское.

– Да нет, нам на Муром выехать, – Виталий отыскал женщин, с любопытством рассматривающих деревянные скульп-

турки.

– Едем. Где штурман наш? Борис, поехали. Как ты поворот прошляпил?

– Не было там никакого указателя. Черт, наверное, попутал.

– Это его Баба-яга в Муром не пускает, – Катерина решила «отыграться», – Я видела, какая-то баба дорожный знак в лес потащила. Наверно это и был указатель.

Со смехом вернулись, со смехом повернули, со смехом глядели по сторонам, пока не уперлись в стелу с красивой надписью «Муром». А на полотнище, вдоль дороги плескались на ветру слова: «Поздравляем с днем семьи, любви и верности!». Впереди, утопая в зелени, и мигая сверкающими отблесками Оки, белел загадочный город Муром!...

©... Иван, уже собирал молотки, когда у кузни появился Яфим Темный.

– Анисим Петрович наказал, шоб я подковные гвозди у тоби увез. Где забирать-то?

– Вона у бочки лежать, бяри, сколько надо.

– А ты куды торописи? – Яфим поставил корзину с гвоздями у телеги, – Аль, опять мою невесту против мени настраивати? Ты это, на рожон не лезь, на чужое глаз то не ложь. Анисим Петрович говорил, что Зинка яво ужо наполовину твая. Вот и пользуйси. А Екатерину не трожь. Пасля завтраи маи будут о свадьбе

решать. Чаго тянуть? А ты, таво, забудь. Не ровен час, како дерево на голову упадет, или ящо чаго.

– Никак ты грозить задумал? Не боюся, не пуганай. Зинкину половину соби забирай, вот таби пара, будяшь Анисиму Петровичу сапоги чистить, он енто любить. А Катерина тоби не пара. Будеть тоби отказ, а не помолвка, дорогу туда забудь, вот мой совет. Гвоздя взял? Вот и вези, куды надо.

Яфим побелел, потом, покраснел, потом взял в руки палку, но увидев, что у Ивана в руках молоток, бросил палку в телегу.

– Посмотрим, чья возьмет. Бойси! – и телега с грохотом выехала с барского двора.

– Сам бойси! – уже в темноту прокричал Иван, – Не будет тоби посла завтра.

Отец встретил Ивана с загадочным лицом

– Чаво запоздал? Мы ужо заждалися. Проходи к столу, разговор естя.

– Случилось чаво? – Иван помыл руки и сел за стол. Братья переглядывались и хихикали, толкая, в плечо друг друга.

– Анисим Петрович заходил, пасля обеда, – начал разговор батенька, – Пасля завтра ждать сватов. Сказал, что пора. Дальше тянуть нельзя. Зинаида яго не против. Я туто свояка Прохора Пронькина попросил за сватов пойти. Он не против. Ты, сынок, как ду-

машь? Не подвядеть?

– Не будячь никаких сватов! – Иван вспомнил разговор с Яфимом, – Не нужна мне ихняя Зинаида.

– Как ты с родитялями то говоришь, – отец сдвинул брови, – Аль, забыл, кто таби жизнью дал. Не позволю, чтоба в роду Мусатовых кто противу родителя шел. Ты задумал на нас позору навести? Не выйдесть! Посля завтра будеть по – моему!

– Не будеть! – Иван выскочил из-за стола и хлопнул дверью. Отец схватил вожжи и выскочил за ним. Мать опустилаь на скамью и закрыла передником лицо: «Что будить? Что таперя будить?».

Долго ещё в амбаре шумело, грохотало. Потом все стихло, а утром отец, дождавшись, пока братья уйдут в поле, посадил Ивана и маменьку напротив стола и объявил своё решение:

– Слово мое такое. Собери Ивану кой, какие вещи. Завтри Иван уезжает в Муром к моему брату Николаю. Об этом никто не должен знать. Пропал, мол. Можя в лес ушел. А можя в Гусь убяжал, хто знат? Даю на первое время двадцать рублёв, больше не могу. В Ташенке тоби мой приятель на баржу посадить, я в записке написал. Вот письмо дядьке твоему, небось приютить, он человек не бедный. Седня работай, как ничаго и не было. Уйдешь, как стемнеет. И не по дороге, а лесом. По – хорошему, тоби бы голову снясти,

за непокорность, да, видать, судьба свой выбор дала. Не суди нас, а мы за тебя здесь помолимси.

В кузне Иван старался скрыть своё нетерпение, даже приветливо кивнул, промелькнувшей мимо, Зинаиде. «Только бы Степан не подвел!». Иван утром отправил Степана с запиской Катеньке, чтобы готова была к вечеру с ним бежать. Записку он должен был передать Лизавете, а та, тайно, отнести Катеньке. Как только солнце коснулось верхушек леса, Иван закрыл в тряпочку несколько мусатов, два, хорошо отточенных ножа, и уложил их в, заранее приготовленную, холщевую котомку: «Кажись всё. Хорошо, что Анисим Петрович уехал в Касимов. У него нюх, как у пса Васьки, что гремять цепами у ворот. Усё! Не будить тебе, Зинаида, завтра праздника, не будет тебе кузнеца Ивана! Не будет тебе ни Гуся-Железного, ни Гуся-Хрустального!».

– Одного прошу сынок, – Слезы маменьки капали прямо на лепешки, исчезающие в полнеющей котомке, – Когда все успокоится, усё наладится у вас, пошли весточку. Успокой душу нашу. Прости нас, ежели поступали несправедно. Беряги саби.

– Ну, что ты маменька, – Иван почувствовал, что сейчас сам расплачется, – Усё уляжется. Я обязательно пришлю весточку. Обещаю. Давайте я вас обниму и с богом! Братьям потом объясните. Скажите, что я

их тожа люблю.

Пробравшись дворами за деревню, Иван уже не мог сдерживать себя. Крепкие ноги неслись по лесу, ломая, мешающие бежать, ветки. «Катенька! Я бягу к таби! Бягу, моё солнышко! Бягу, чтобы счастье принять!»

Степан не подвёл. Лизавета ещё утром передала записку Катерине, и они вместе её съели.

– Счастливая ты, Катька! Как в той сказке, что про Ивана-царевича. За Иваном, как за каменной стеной будешь. Он таби любить, он таби беречь будить. А как родители твай? Ты им ничаго не скажешь?

– Батеньке не скажу. Бабушке скажу, она уже давно догадывается. Маменьке боюся, пуска бабушка ея скажет. Посля завтра родители Яфима приедут, свадьбу обсуждать. Маменька плачет, не нравиться ея Яфим. Бабушка требует от папеньки отказ Яфиму дать. Папенька молчит. Да, что таперь? Всё одно убягу с Ваней, хошь в одной рубахе, хошь без лаптей.

– Тогда сбирайся тайно. Я, как тьмно станеть, прибягу за тобой. Толька не передумай!

Иван за гумном, в назначенное время, уже ждал: «Приидеть, не приидеть? А вдруг, чаго помешаеть? А, вдруг, передумаеть? Дитя ешо. Да нет, идёть! Это ея юбка шуршить!».

– Пришла, моё солнышко! Давай узелок. Спасибо

тебе, Лизавета. Мы побёгли, пока ящó темно.

В Ташенке их встретил дядя Петя Руськин, знакомец батеньки.

– А чаво ж не помочь? Помогим, – дядя Петя почесал бороду, – Заходите в дом. Через час баржа пойдёт с дёгтем. Пойдемте, я все устрою.

Через час, устроившись между бочками, беглецы наблюдали, как над Окой, розовел рассвет.

– Кто знает, что ты убягла? – Иван достал лепешки и бутылку с квасом, – Давай поедим, путь долгий, только к вечеру будем в Муроме.

– Я бабушке сказала, а она обрадовалась. Сказала: не будет у таби счастья с Яфимом. Вот собрала узелок. А потом матушка прибягла. Я испугалась. Думала к папеньке потащить, а она вот мне, что положила, – Катерина достала из узелка пирожки и ещё один узелок, – На Ваня, развяжи.

– Откуда это у таби? – Иван положил на тряпочку широкий перстень с кругом посередине и подвески для кички, – Красота какая! Ты хоть знаешь, что за знак на кольце то? Это знак мещеры! Гляди: солнце посередине и треуголки понизу.

– В позапрошлом годе папенька пошел в лес на свитязя и заблудилси. Мы уже думали, сгинул на болоте, а он через неделю объявилси: с бочонком мёда и ентыми железками. Говорит, из болота, какие – то люди

достали и привяли в лесную деревню. Чудные, говорит, люди. По болоту ходить, как по твердому. Живут все вместе в круглой избе, а посередь печка. А вокруг избы, амбары на столбах. А в амбарах тех шкуры висят, мед в бочках стоит. На груди у старшего бляха висит, с нарисованным солнцем и все его слушают.

– То мещера или мокша. Я слышал, как деды про лесных людей говаривали. Те, кто в миру жить не хотят. И молиться по-нашему не хотят. Но, наверное, добрые люди, что папеньку твоего домой вернули. А кольцо спрячь, пущай полежить.

– Вот и маменька сказала, что оберег это. Своим детям собираги.

– Ты, Катенька, поешь, проголодалась, поди уже...

– ... Утром прибежал Анисим Петрович

– Где Иван-то? Дворовые сказали, что с утра не появлялся. Или заболел чего?

– Яво с вечера нет, – Дмитрий сделал вид, что ничего не понимает, – Вроде говорил, что в лес с ребятами силки проверять пойдеть. Как придеть, сразу в кузню отправлю.

– Смотри Дмитрий, не шути со мной. И не забудь, что завтра я от тебя сватов жду. Ивану скажи, чтобы шел быстрее, дела то ждать не будут...

...Не дождался Анисим Петрович Ивана. Вечером

прибежали соседские мальчишки и принесли картуз: «На ветке нашли, у леса. Кажись Ваньки тваго». И поползли слухи по деревне: «У Дмитрия сынок в лес ушел, да сгинул, только картуз и нашли». А в соседней деревне Бреево, новые слухи поползли: «Яфимава невеста в пруду утопла. Опять в пруду русалки завелися» (Ох и выдумщица Лизавета!)...

...Только ничего этого не слышали Иван и Катенька. Прижавшись друг к другу, с восхищением смотрели они на спешащие куда-то пароходы, на низкие поклоны белых берез, на радостный щебет, кружащих в небе чаек. Поверх крутого берега медленно вышывали, сверкающие на солнце, купола чудных, невиданных церквей.

– Вот и Муром! – изумление сверкало в глазах «путешественников», – Как оно будет?...

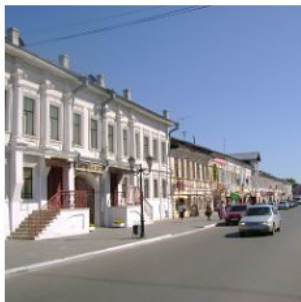
ГЛАВА ВТОРАЯ

Сказ о Муроме

∞...Муром встретил жарой. Горячее дыхание шло от палящего солнца, от асфальта улиц, от фасадов старинных домов.

– Машину оставим здесь, – Виталий осмотрелся, – Дальше проезд запрещен.

– Народищу! Это, наверное, Муромский Арбат, – Любаша обошла машину, разминая отекие от дальней поездки, ноги, – Нужно запастись холодной водичкой.

Муром. Улица Московская

– Московская улица! – прочитал Борис табличку, – Вот по ней и прогуляемся. Улица напоминает часть Соборной улицы от площади Ленина до первой аптеки в Рязани. Такие же старинные дома. Только на один этаж повыше.

– Точно. Улица Соборная, Муромский вариант, – Катерина потрогала шершавый камень старинного особняка, – Такое ощущение, что я здесь уже была. Будто сейчас откроется окно, вон из того дома и голос позовет: «Эй, Катерина! Ты откуда-то здесь? И где стока время пропадала? Георгий! Уходи с дороги! Зашибудь таби колёса то. Вот щас я таби оттягаю». Прямо дежавю какое – то. Даже мурашки по телу пробежали.

– Вот ты не верила, что это может быть, а это может быть, – Борис тоже потрогал горячий камень, – Ученые уверяют, что вещи и предметы могут хранить информацию о прошедшем времени. И, если информационные волны твоего тела совпадут с волнами, идущими от этих предметов, то ты можешь, на мгновение, увидеть себя в прошлом времени. Я не исключаю, что в этом доме, а может быть, вон в том доме, что с мезонином, жила Муромская Катерина и по вечерам глядела, как ругаются извозчики, развозя подвыпивших купцов из питейных заведений.

– Вот ты смеёшься, а помнишь, как мы на Красной площади в храм Василия Блаженного заходили? Я потрогала камни, а у меня слезы из глаз потекли. Сами по себе. Наверное, в прошлой жизни уже видела всё это.

– А я о чем говорю? Скоро информационные технологии доберутся и до твоей головы. Наденешь колпак на голову, скопируешь информацию на флэшку, приедешь домой и смотри по компьютеру: Где была двести лет назад, с кем встречалась, от кого бегала. Красота!

– Дурачок! Мне и так уже страшно. Будто следит за мной кто-то.

– Это Илья Муромец следит, чтобы гости не озорничали. Задумаешь плохую мысль, а он раз! Мечом шить, и голова долой! Возвращайся ты домой, – Виталий красочно изобразил, как меч описывает дугу в воздухе.

– Пойдемте уже. Пугальщики.

Компания двинулась по Московской улице, с любопытством оглядывая причудливые дома.

– Классицизм. Эклектика. Опять классицизм.

– Ты чего там бормочешь?

– Я удивляюсь, находчивости строителей, – Борис показал на двухэтажный дом с мезонином, – Дома построены примерно в первой половине девятнадцатого века. Предполагаю, что у купцов средней руки начали появляться деньги. На изящные дворцы средств недостаточно, но и простые избы строить стало уже не модно. Европейская архитектура начала просачиваться в русские городки. Скромная, экономная архитектура с элементами истории позволяла выделиться из серого пейзажа деревянных строений. Это и есть эклектика. Строгий кирпич (по достатку) и изящный, узор-

чатый мезонин, с намеком на славянскую принадлежность. А вот прибавили колонны с лепниной. Угадывается гармония, простота и строгость, в чем-то даже изящество. Это новый классицизм. Равнение на итальянских мастеров. Знай наших! Муромские купцы тоже не лыком шиты!

– Смотрите! – Любаша оглянулась назад, потом снова вперед, – Народ в одну сторону идет. Там что-то происходит. Давайте посмотрим.

Людской поток вынес гостей на большую площадь с фонтаном. Толпа жалась к фонтану, пытаясь надышаться воздухом с прохладным мокрым туманом. А вокруг кружились «пришельцы» в ярких кичках с ленточками, в белых сарафанах, в поневах на четыре ярга.

– Пряники маковые! Пряники мятные! – краснощекие красавицы, то снимали с шеи связки бубликов, то опять забрасывали их за спину, – Бублики для чаю! Бублики для душевного разговору!

– Калачи! Муромские манящие, к беседе зовящие! Налетай честной народ – урожайный нынче год! – молодки – красавицы кружились вокруг фонтана, завораживая своими шутками – прибаутками «обезумевший» от жары и ярмарочного шума народ.

– Народ больше туда идет, вниз, – Любаша с грустью посмотрела на быстро опустевшую упаковку от мороженого, – Пойдем, а то нас эти молодухи скоро заставят забыть о диете.

От площади дорога пошла вниз, к белому монастырю, из-

за которого сверкала излучина Оки. На площадке, в небольшом парке монастыря разворачивалось театральное представление. Молодая княгиня просила Илью Муромца заступиться за Владимира, Красно – Солнышко и за Русь Великую от царя поганого Калина. Илья Муромец, выставив вперед меч и строго глядя на народ Мурома и его гостей, молвил:

*Я иду служить за веру христианскую
И за землю русскую,
Да и за стольный Киев град,
За вдов, за сирот, за бедных людей
И за тебя, молодую княгиню, вдовицу Апраксию,
А для собаки-то князя Владимира
Да не вышел бы я вон из погребя...*

Народ Мурома отшатнулся, опасливо поглядывая на грозный меч. Только Виталий Елохин не испугался: «Что ты можешь сделать мне этим ножичком?» – подумал Виталий и смело сделал шаг вперед: «Я в Афгане этих Калинов по горам гонял! Чтобы здесь только русским духом пахло! А не их вонючим зельем».

– Виталик! Отойди назад, – Борис потянул Виталия за рукав, – Не ровен час заденет тебя богатырь карачаровский, кто машину домой поведет?

– Да я так, заслушался. Хорошо играют. Из театра, наверное.

– Согласен. Играют хорошо. Вот только неувязочка: Кня-

гиня Апраксия не могла быть вдовицей. Ведь муж Владимир живой стоит рядом. Если, конечно, она не была женой брата.

– Смотрите! Лодка какая большая, – Любаша показала в глубь парка, – Пойдем посмотрим.

– Идите, я потом.

В глубине парка, из-за раскидистого дерева, выглядывала голова неведомого зверя: толи лошадь склонила голову, толи голова птицы вытянула шею. Голова венчала большую лодку с веслами по бортам. Нижняя часть была выдолблена из цельного дерева, верхняя часть набита тонкими досточками. Из-за досточек выглядывали три мачты без парусов.

– Ладья. VI – век, – медленно прочитала Катя, – Где же они такое огромное дерево нашли?

– Метров пятнадцать – двадцать будет. В Муромских лесах это не трудно найти. Петр Великий не зря в этих краях корабельный лес ценил, – Борис постучал по борту, – На этих ладьях до Византии доплывали, когда купцы мех да мед везли, на шелка менять, а когда и боевая дружина на помощь спешила киевскому князю. Человек двадцать могли плыть с комфортом.

– Люба! Где ты? – послышался голос Виталия из толпы зрителей, – Пошли фотографироваться с Ильей Муромцем.

– А с вдовицей княгиней Апраксией можно? – оставив жену в одиночестве, Борис ринулся к сцене.

– Куды! – Катерина поймала мужа за рубашку, – Я тя можно! Я ящо не вдовица. Хотя ежели Илью Муромца попрошу

тебя утихомирить, то можа и стану.

Вдоволь «нафотографировавшись» двинулись назад. На выходе из парка, Катерина остановила мужа:

– Глянь, какие ворота! Картина, а не ворота.

– Здесь написано: «Церковь Николы-Набережного».

– Мне ворота нравятся. Значки какие-то. Узоры. Цветочки. Кружочки.

– Кружочки говоришь. Подойди-ка поближе. Видишь большой круг с треугольниками внизу?

– Вижу. Ничего особенного в этом не нахожу. Ну, круг. Ну, треугольники с точками. Ну и что?

– Ничего. Если не считать, что это символ Мещеры! Круг олицетворяет солнце. Треугольники олицетворяют землю, а точки внутри семя. Часть древних племен муромы, мещеры, ирзя, жили в глубине дремучих мещерских лесов и болот, спасаясь набегов чуди и степняков. Годами не выходили они из леса. Одна радость: то солнышко выглянет из-за верхушек высоких сосен и подарит тепло. То болото в сухие годы уйдет вглубь леса и солнышко осушит редкие поляны, давая возможность посеять жито. Тогда и жить можно. Тогда и род свой продолжать можно. А чтобы это было почаще, или всегда, то нужно хорошо попросить, низко поклониться тому, кто это все дает. Солнцу, чтобы грело. Земле, чтобы приняла. Зерну, чтобы жизнь сохраняло. Три начала. Три символа.

– Я поняла. Три символа объединенные в одном. Солнце,

сухой участок земли в лесу и семена, дающие хлеб и жизнь.

– Умница! Теперь ты рассуждаешь, как истинная мещерячка.

– А ты сомневался? Мы такие – прапраправнучки бабы-ёшки. Сфотографируй меня у этих ворот, и пойдем догонять Елохиных...

© ...В лучах заходящего солнца купола церковей казались неведомыми, сверкающими глазами, выглядывающими за верхушками деревьев, будто спрашивая: «Кто это к нам пожаловал? По какому, такому делу? На время, али как?».

– Ваня, глянь! И тама церковь. И тама. А тама сразу удве, – Катенька водила глазами и руками то вправо, то влево, – Ваня. А почаму стоки церковей? Это ж сколько батюшков надоть?

– Дуреха! Это ж Муром! Здесь народу – видимо-невидимо. Как же они в одну церкву поместються? Вот доберемси до дядьки и спросим.

Баржу подогнали к деревянной пристани, булькающей от набегающих волн.

– Не придавило? – раздался голос из-за бочек, – Берите свои узелки и по той лестнице вверх. Напротив вон той церкви. Тама извозчики стоят. Повезуть, куда скажите. Ну, с богом. Бегите.

Наверху, на площади, бричек и телег с десяток, если не больше. Сплошь бородатые мужики стоят возле своих лошадей, перекрикиваясь друг с другом. Завидев двух молодых людей с узелками, зашевелились, поворачивая свои брички к приехавшим пассажирам. Брички, тарантасы, коляски цеплялись друг за друга, издавая скрипучий звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.